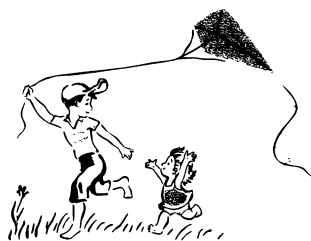

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

ЧУМАЗЫЙ РЕДОТИК

Издательский Дом Мещерякова

М а л ь ч и ш к и и д е в ч о н к и

Лев Давыдычев

Чумазый Федотик

Рассказы для детей

Москва

Издательский Дом Мещерякова

2016

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

Д13

Давыдычев, Л. И.

Д13 Чумазый Федотик : рассказы / Л.И. Давыдычев ; ил. А. Шевченко. — Москва : Издательский Дом Мещерякова, 2016. — 112 с. : ил. — (Мальчишки и девчонки).

ISBN 978-5-91045-867-7

Рассказы известного писателя Льва Давыдычева, вошедшие в сборник «Чумазый Федотик», — это трогательные зарисовки о детстве. О том времени, когда ребёнок делает свои первые открытия. Любознательная девочка Оля и её рассудительный дедущка разговаривают буквально обо всём. И через эти порой наивные разговоры маленькая Оля учится понимать саму жизнь с её противоречиями, сложностями и радостями.

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91045-867-7

Мы любим бумажные книги

© Л. И. Давыдычев, наследники, текст, 2016

© А. А. Шевченко, иллюстрации, 2016

© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2016

Настя Иванова

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

— **М**еня зовут Настя Иванова. А тебя?

Я назвал себя, а она ещё спросила:

— А чего ты здесь делаешь?

— Живу. Отдыхаю. Работаю. А ты что здесь делаешь?

— Дедушка и бабушка окучивают картошку. Папа с мамой уехали на курорт. А меня девать некуда. Мне три года. Я не маленькая. Я ба-а-алшая!

Конечно, я сразу согласился с ней: человек никогда не бывает маленьким. Вернее, человек не бывает маленьким сегодня. Сколько бы лет ему ни было, маленьким он был вчера, а сегодня — человек всегда большой. Да ещё и к завтраку хоть немножечко, но подрастёт обязательно.

— Я ба-а-алшая! — гордо повторила Настя Иванова и спросила: — Позовёшь меня в гости?

Позвал я, конечно, её в гости. Мы вошли в избу, и Настя Иванова деловито спросила:

— Куда мне садиться? Пластилин у тебя есть?

Вот так мы с ней и познакомились. Она часто приезжала с дедушкой и бабушкой в деревню, и за лето я узнал, что она за человек.

Однажды я пилил дрова и за спиной услышал:

— У тебя куклы есть?

В то лето мою внучку Олю в деревню не отпустили, и куклы её лежали в коляске, в которой когда-то лежала сама Оля. Лежали её куклы и терпеливо ждали, как я, свою хозяйку.

И теперь в каждый приезд Насти Ивановой я выкатывал в огород коляску с куклами.

Я тосковал по внучке, писал рассказы вот для этой книги, устав, выходил из избы и смотрел, чем занимается Настя Иванова.

Она была занята не меньше, чем я. Ведь главное не в том, что труднее: за куклами ухаживать или книги писать, главное в том, что человек не сидит без дела и живёт интересно.

Ни разу я не видел, чтобы Настя Иванова скучала или бездельничала, тем более я даже представить не могу, чтобы она капризничала. Целый день, представляете, целый день она была занята делами! А дела она придумывала сама. Вот увидела она, как бабушка с речки носит воду в вёдрах на коромысле, взяла коромысло, на один конец надела игрушечное ведро, а на другой — полиэтиленовый мешок с травой. И долго-долго Настя Иванова самозабвенно будто бы носила воду и будто бы поливала грядки.

Настя Иванова всё делала абсолютно серьёзно. Пусть кому-то и покажется, что будто бы носить воду — это понарошку, а мы с Настей Ивановой знаем, что это интересно.

Захотелось мне как-то поговорить с ней, я подошёл, а она, показав пальчиком на коляску, прошептала так тихо, что я еле-еле-еле расслышал:

— Только молчи. Куклы уснули.

До того Настя Иванова была занята делами, что дедушка с бабушкой вроде бы и не обращали на неё внимания. Никому она не мешала, никому она не надоедала, ни от кого не зависела, ей было интересно играть даже одной, ей было интересно разговаривать с самой собой, потому что сама она — интересный человек.

Здесь же, на этой же поляне в огороде, недалеко от Насти Ивановой часто страдали дети, которые не умели и не хотели найти себе доброго занятия. Ничего их не интересовало, и от нечего делать, со скуки они пакостили, как назвала их действия одна деревенская старушка. Когда пакостить было некому, скучающие дети делали это самим себе.

А ведь были они старше Насти Ивановой в три-четыре раза, в школе уже давно учились, может, и отметки получали хорошие, а вот жить интересно не научились. И, вполне вероятно, никогда не научатся. Потому что очень и очень важно, каким человек был в детстве. Примерно так: пакостил в детстве, вырастешь — тем же самым заниматься будешь. Или наоборот: умел в детстве жить интересно, тогда и вся жизнь твоя пройдёт интересно.

И, по-моему, все рассказы в этой книге о том, как необходимо вырасти хорошим человеком и как это, честно говоря, иногда нелегко.

Дети любят смеяться, они жить не могут без смеха. Дети чувствуют, что весёлый человек — добрый человек. Поэтому дети стараются жить весело, а я стараюсь весело о них писать.

Вот и всё, что мне хотелось сказать перед тем, как вы прочтёте эту книгу.

Счастливого чтения!

Почему смеялся дом

В деревню ехать — всегда радостно, потому что там Олю и бабушку с дедушкой ждут не дождутся разные удовольствия, которых в городе нет и быть не может.

Самое главное удовольствие, когда приедешь в деревню, — топить печь сухими красивыми дровами. Они звенят, как ксилофон, когда дедушка складывает их себе на руку.

Дедушка несёт шесть поленьев, Оля — два или даже три. Бабушка в это время приносит два ведра воды из колодца. Оля по лесенке забирается на полати, там в корзине берёста — растапливать печь.

На сей раз к избе приехали почти уже в темноте, потому что по дороге заменяли у машины колесо, да ещё что-то в ней ломалось, и шофёр был хотя и очень молодой, зато и здорово сердитый и всё время ворчал, будто во всём этом были виноваты Оля и бабушка с дедушкой. А им всё равно было радостно: они знали, что в деревне их ждут не дождутся разные удовольствия, которых в городе нет и быть не может.

— Ведь мне сразу спать нельзя, правда? — несколько раз по дороге спрашивала Оля и сама себе отвечала: — Ведь печь затопить надо? Воды принести надо? Поесть ведь перед сном обязательно надо? Да ещё кукол накормить надо! Ведь они несколько дней без меня ну совершенно ничего не ели!

Всё так оно и было, как она говорила. И печь затопили, и воды принесли, и поели, и кукол накормили, сидели чаи распивали.

А перед этим случилось вот что. Когда в темноте кромешной поднялись в сени, дедушка долго шарил рукой по стене, искал выключатель, потом долго возился с замком, который никак не хотел открываться.

— Кто это смеётся? — испуганно прошептала Оля, обеими руками схватившись за бабушкину руку.

— Тебе показалось, — сказала бабушка, — ты устала в дороге, вот и... Ну кто здесь может смеяться? Ведь мы здесь одни. Никого больше нет.

— А вы послушайте, послушайте... — ещё испуганнее прошептала Оля. — Слышите?.. Кто-то смеётся...

Дедушка с бабушкой прислушались и явственно услышали что-то похожее на негромкий смех:

— Хххи-и... хххи-и... хххи-и...

— Кто, кто это? — совсем ещё испуганнее прошептала Оля, ещё крепче схватившись за бабушкину руку, а бабушка весело объяснила:

— Да это дом смеётся. Это так скрипят половицы, когда мы на них стоим.

Они втроём ещё раз прислушались, послушали, как смеётся дом, и дедушка рассудил:

— Его много-много лет не ремонтировали. Сначала он, наверное, плакал или сердился, жаловался на судьбу, потом, верно, решил, что нет смысла жаловаться понапрасну, и стал весёлым.

— Да он просто обрадовался, что мы приехали! — воскликнула Оля, отпустив наконец-то бабушкину руку. — Он ждал-ждал нас целый день, думал-думал, что сегодня мы уже не приедем, а мы вдруг приехали, вот он и засмеялся! Да, да, взаправду!

— Вполне, вполне вероятно, — согласился дедушка. — Но пора приниматься за дела! Пусть он себе смеётся, а мы поработаем.

Принялись они за дела, закипела у них работа. Каждому, как всегда, нашлось чем заняться, а поработав, сели они за стол перед вовсю разгоревшейся печью.

Оля спросила:

— Печка смеяться может?

— Огонь в ней смеётся, — ответила бабушка, — даже дым в трубу летит весело.

Они долго смотрели, как плясало пламя над поленьями и как, действительно, весело тянулся из печи в трубу густой дым.

— А вот у дяди Гриши дом, по-моему, плачет, — неожиданно и печально проговорила Оля. — Ведь дядя Гриша очень редко приезжает сюда. Дом его ждёт, ждёт, ждёт, а дяди Гриши всё нет, нет, нет... А вдруг куклы здесь без меня плачут?

— Вряд ли, — ответила бабушка, — ведь они прекрасно знают, что ты обязательно наведишь их. Уж если дом обрадовался

нашему приезду, то представляешь, как весело сейчас твоим куклам!

— Нет, нет, — довольным тоном возразила Оля, — они уже спят, они ведь у меня очень послушные... Пойдёмте, пойдёмте! — умоляюще воскликнула она. — Послушаем, как наш дом смеётся!

Они вышли в сени, дедушка включил свет. Оля опять схватилась за бабушкину руку обеими руками, прошептала:

— Слушайте, слушайте...

Они прислушались и услышали:

— Хххи-и... хххи-и... хххи-и...

И Оля рассмеялась и отпустила бабушкину руку. И дедушка рассмеялся. Бабушка, глядя на них, улыбалась, но сказала почти строго:

— Между прочим, уже очень поздно. А нам ещё чаю попить невредно.

Когда снова уселись за стол перед печью, Оля утомлённо проговорила:

— Между прочим, мне сегодня разрешили ложиться поздно, да?

— Не совсем уж поздно, — поправила бабушка, — а чуть позднее обычного. В честь приезда.

Они маленькими глотками осторожно пили горячий чай, заваренный на смородиновых листьях, молчали, любовались огнём в печи.

— Надо рассказать дяде Грише про наш дом, — вдруг решила Оля, — что он смеётся. Может, и у него дом смеётся, когда он приезжает?.. Пусть дядя Гриша почаще сюда ездит, — уже совсем медленно говорила она. — Дядя Гриша мне рассказывал, что его все бросили. Братья приедут, картошку заберут и больше носа не кажут... Ой, я спать хочу... у меня даже голова не держится... она свесилась...

И едва дедушка взял её на руки, она крепко заснула.

Утром Оля, как всегда, проснулась первой, но не стала будить бабушку с дедушкой, а оделась, почистила зубы, умылась, правда, не очень старательно, и принялась кормить кукол, рассказывая им:

— Вчера наш дом смеялся от радости, что мы приехали. А вы здесь без меня не вздумайте плакать. Вот дяди Гришин дом, может быть, без него плачет. Ведь дядя Гриша редко сюда приезжает. У него нога больная. На войне ранили и до сих пор вылечить не могут. И ещё все его бросили. Один раз у него был день рождения. Так знаете что получилось? Никто к нему не приехал! А он картошки нажарил, рыбы наловил, огурцов и помидоров в огороде насобираал... — Оля помолчала, вспоминая. — Капуста солёная у него была, грибы маринованные. Вот сколько вкусных вещей! А поздравить дядю Гришу пришла только соседская кошка. Он её рыбой за это угощал. И на кровати ей спать разрешил, прямо на подушке... Если он сегодня приедет, мы с вами пойдём к нему в гости, чем-нибудь его угостим, стихи ему почитаем, песенки споём, попляшем... А главное, узнаем, умеет ли у него дом смеяться.

Дом дяди Гриши был прямо напротив, через дорогу. В палисаднике густо разрослись малина и крапива. Всю изгородь обвил хмель и уже тянулся к малине. Вид у дома был нежилой. В двух окнах вместо стёкол давным-давно вставили фанерки.

Раньше Оля не замечала этого. А вот сейчас, когда она села завтракать у окна, долго разглядывала дяди Гришин дом, спросила:

— А дому бывает больно?

Бабушка с дедушкой переглянулись, дедушка ответил:

— Конечно, нет. Но и, конечно, лучше бы заменить фанерки стёклами, крышу отремонтировать...

— Так смеётся он или плачет? Вот что мне надо узнать, — решительно произнесла Оля.

Весь день она то и дело проходила через сени, чтобы послушать, как дом смеётся, и весь день ждала дядю Гришу, выходила встречать каждый рейсовый автобус.

Но дядя Гриша так и не приехал.

Осень наступала уже, и погода стояла неважная: солнышко то выглянет, то спрячется, то вдруг ненадолго дождик закапает или налетит не тёплый, но ещё и не холодный ветер.

И Оле казалось, что, когда солнышко выглядывает, дяди-Гришин дом всё-таки чувствует себя чуть-чуть получше. А вот когда капает дождик, дом словно готов поёжиться...

В этот вечер только и разговоров было, что о доме дяди Гриши.

Чтобы успокоить Олю, дедушка сказал:

— Просто дом дяди Гриши очень стар. Ведь ему около ста лет. Он как старый человек. Очень старый. И всё-таки это дом, а не человек.

— И всё равно мне его жалко, — печальным голосом проговорила Оля, глядя в окно на дяди-Гришин дом. — Всё равно ведь лучше, когда в доме кто-то живёт. Скажете, нет?

— Нет, скажем — да, — сказала бабушка. — А можно ещё считать и вот так. Дом, например, может знать, что дядя Гриша приезжает редко, и привык к этому. Дядя Гриша и его дом — давнишние друзья и давно знают друг друга. Может ведь так быть?

— Конечно, конечно, может! — обрадовалась Оля. — Я так и думала! А наш дом... — Она растерянно замолчала.

— А наш дом, — продолжила бабушка, — знает нас совсем недавно, всего года три. Но и то, видимо, поджидает нас каждую пятницу. И радуется, когда мы приезжаем.

— А дом любит, когда ему печку топят?

— Вот это уж точно! — ответил дедушка. — Пошли-ка за дровами.

Назавтра день был просто прекрасен. И дело даже не в том, что он был солнечен, а небо безоблачно, а в том, что от этого у всех было просто прекрасное настроение.

С первым утренним автобусом приехал дядя Гриша. Оля встретила его у ворот, и они вошли в дом.

Бабушка с дедушкой ждали её, сидя у открытого окна. Вот Оля выскочила на улицу, но никак не могла перейти дорогу, потому что машины и мотоциклы мчались друг за другом в обе стороны.

Оля не выдержала и закричала:

— Представьте себе! Представьте себе, у дяди Гриши дом тоже смеётся! Вы понимаете? Это очень важно!

Дедушка с бабушкой кивали головами и улыбались.

А день был просто прекрасен.

Луна и Оля

Луна живёт на небе, а Оля живёт на Земле. Сейчас даже странно представить, что когда-то Оля и не подозревала, что на небе живёт прекрасная Луна. И прекрасная Луна, конечно, не догадывалась, что на Земле живёт хорошая девочка Оля.

К сожалению, можно лишь только надеяться, что Луна действительно заметила Олю. Ведь хороших девочек на Земле живёт великое множество, а Луна одна.

Но пусть не каждую хорошую девочку знает прекрасная Луна. Важно, чтобы каждая хорошая девочка хотела бы познакомиться, а затем и подружиться с прекрасной Луной.

Впервые Оля увидела Луну в книжке.

В книжке Луна была маленькой — точь-в-точь как ёжик в другой книжке. Оля и решила, что Луна маленькая, будто ёжик.

А в третьей книжке Оля увидела арбуз, который оказался больше Луны.

Книжки — дело очень хорошее, просто замечательное. Без книжек жить нельзя.

Да вот беда: в книжках прекрасная Луна может оказаться величиной с ёжика. Арбуз же может быть больше Луны.

Так для чего же тогда у нас глаза?

Неужели лишь для того, чтобы Луну только в книжках разглядывать?

Нет, наверное, прекрасная Луна всё-таки заметила Олю. И Оля сразу это почувствовала.

Когда однажды она с дедушкой в деревне гуляла перед сном, то вдруг радостно воскликнула:

— Дедушка, дедушка, это же Луна!

И они долго любовались прекрасной Луной.

— А она видит меня? — спросила Оля.

— Вполне вероятно, — ответил дедушка. — Главное, что ты сама её увидела.

Оля помахала прекрасной Луне рукой и отправилась спать.

На другой вечер небо было затянуто тучами. Оля Луны не увидела и очень грустила.

Зато на следующий вечер прекрасная Луна была ярче, чем в первый раз. Оля на прощанье помахала ей рукой и прошептала:

— До свиданья, Луна...

Теперь они встречались каждый вечер, пока Оля гостила у дедушки в деревне.

Вот теперь Луну и Олю вполне можно считать хорошими знакомыми, даже подругами.

Летающий слонёнок Коля

— **А**-ах! — очень и очень глубоким вздохом (он ещё называется глубочайшим) вырвалось у Оли. — Как мне грустно! До того мне грустно, ну просто заплакать хочется!

Дедушка сочувственно, но с некоторым недоумением посмотрел на внучку, погладил её по голове и, помолчав, спросил:

— А что, по-твоему, нужно делать человеку, когда ему до того грустно, ну просто заплакать хочется?

— Ему надо придумать что-нибудь весёлое, — поразмыслив, ответила Оля. — Чтобы ему стало весело, а не грустно.

— Вот и придумай, — почему-то насмешливо предложил дедушка.

— Да не могу я! Давно уже не могу! — с отчаянием призналась Оля. — Я уже давным-давным-давно думаю, как бы мне развеселиться! И ничегошеньки у меня не получается! Придумай ты что-нибудь, пожалуйста!

— Вряд ли у меня что-нибудь получится, — уныло отозвался дедушка. — Дело в том, что, когда ты грустишь, мне тоже становится не по себе. И я тоже не могу ничего придумать, чтобы развеселить тебя. Уж ты сама постарайся, пожалуйста.

Оля постаралась, изо всех сил постаралась. Ничего хорошего из этого не вышло. Она пробовала петь весёлые песни, но они у неё получались невесёлыми. Она пыталась поплясать, но ноги её не слушались и не хотели даже двигаться. Она чуть не заставила себя рассмеяться, но вместо смеха едва не расплакалась.

— Ты видишь, что ничегошеньки не получается? — прямо-таки в ужасе прошептала Оля.

— По-моему, это происходит потому, что ты стараешься развеселить только себя, — задумчиво предположил дедушка. — А надо, по-моему, сделать что-нибудь приятное кому-нибудь другому. И оттого, что кому-то станет весело, ты и сама развеселишься.

— Что же ты мне раньше не сказал? — радостно поразилась Оля. — Ведь я для тебя что угодно сделаю! Не только приятное, а прямо невероятное! Ну что мне для тебя сделать?

— Нет, я для такой цели не подхожу, — печально возразил дедушка. — Ведь я грущу из-за тебя. Значит, тебя и надо развеселить, а для этого ты должна кому-то сделать что-нибудь приятное.

«Пойду сначала в огород, — совсем грустно подумала Оля. — Может быть, жука увижу какого-нибудь невесёлого, кузнечика встречу, а то и божью коровку найду...»

Она вышла в огород, долго ходила по траве и между грядками, смотрела во все глаза, но не увидела ни жука, ни кузнечика, ни божьей коровки...

Тут уж ей стало до того грустно, что не заплакать она просто не могла. Ведь бывает так иногда: наревёшься как следует — и вроде бы легче станет.

Оля скривила губы, заморгала глазами, собралась раскрыть пошире рот и вдруг увидела в траве слонёнка Колю, одну из первых в своей жизни игрушек.

Слонёнок Коля был клеёнчатый и очень крепко шит. Поэтому и сейчас, через несколько лет после того, как его принесли из магазина, он выглядел новеньким.

Давно забыла его Оля, на зиму оставляла в деревне, давала играть его всем, кто бы ни попросил.

Вот кто-то из детей и бросил его здесь.

— Бедный, бедненький слонёнок! — и радостно, и виновато воскликнула Оля, взяла Колю, поцеловала его в хобот. — Сколько же дней ты пролежал здесь?

Само собой разумеется, что ничего ей ответить он не мог, потому что взаправду игрушки разговаривать не умеют. Но Оля поняла, что Коля на неё очень-очень-очень обижен. Она даже подумала, что слонёнок нисколько не обрадовался встрече с нею, что ему лучше зиму провести в холодной, нетопленной избе, валяться в траве под дождём, чем снова оказаться в руках такой жестокой, неблагодарной девочки, как Оля.

— Я тебя прекрасно понимаю, — дрожащим от стыда и жалости голосом сказала она. — Если можешь, прости меня. А сейчас пойдём играть. Я постараюсь сделать для тебя что-нибудь приятное, может быть, даже невероятное.

Дедушка очень обрадовался, увидев слонёнка Колю, взял его, погладил и оживлённо начал рассказывать:

— Отчётливо помню, как я купил его! Представляешь, стоят на полках в магазине большие, яркие, дорогие и почему-то страшно важные игрушки. Особенно — щенки! Я просто поразился. Щенок — и уже важничает! А тут — умный, милый, скромный слонёнок. Он мне сразу понравился. Ты очень любила им играть. И ты, по-моему, ему тоже нравилась.

— Мы больше не будем оставлять его на зиму здесь, — решительно сказала Оля, — ни за что. А сейчас я придумаю для него что-нибудь приятное, а может быть, и невероятное.

— Лучше, конечно, невероятное, — предложил дедушка, — невероятное интереснее приятного. Если тылюбишь Колю по-прежнему, то обязательно придумаешь что-нибудь.

И Оля придумала. Она спросила:

— Дедушка, ты когда-нибудь видел летающего слонёнка?

— Не видел, — ответил дедушка, — и вряд ли увижу. Слонёнки летать не умеют.

— Увидишь, увидишь, увидишь! — радостно крикнула Оля. — Ты увидишь, как будет летать мой любимый слонёнок Коля!

И буквально через несколько минут слонёнок Коля летал по воздуху. Оля обвязала его верёвочкой, осторожно опустила с подоконника вниз и стала раскачивать.

— Смотри, смотри, он летает! — кричала Оля и смеялась. — А ты говорил, что вряд ли увидишь летающего слонёнка.

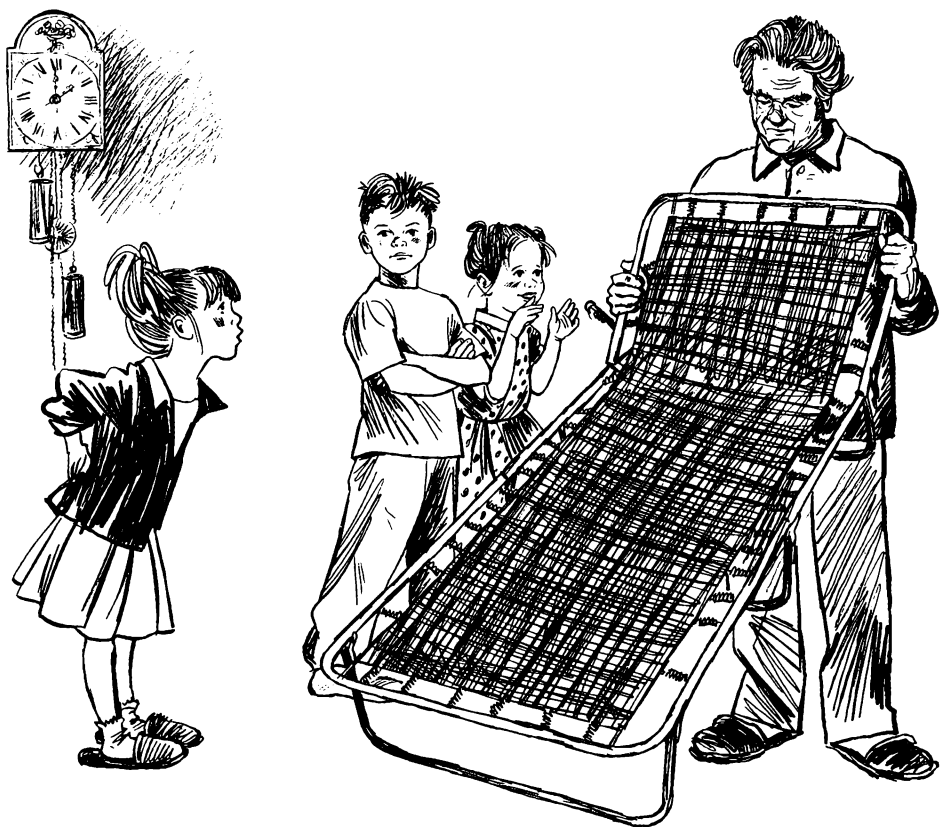
А Коля взлетал всё выше и выше.

А Оля смеялась всё громче и громче.

А дедушка смотрел на них и улыбался.

А грусти и в помине не было.

Вот как!

Ты — это будто я, а я — это будто ты

— **А** ведь ты, дедушка, конечно, тоже был маленьким? — задумчиво спросила Оля. — Был ты ещё меньше, чем я?

— Был, был, конечно. Все люди, даже самые старые, были в своё время маленькими.

— А было, что тебя не было? Неужели всех людей когда-то не было? — продолжала озабоченно расспрашивать Оля.

— Собственно, а в чём дело? — удивился дедушка.

— Дело, собственно, вот в чём, — серьёзно и старательно выговорила Оля. — Я никак не могу понять, почему сначала обязательно надо быть маленькой, а потом долго-долго-долго расти? Почему сразу нельзя быть бабушкой? Ведь это так интересно!

Дедушка рассмеялся и ответил:

— Бабушкой быть, конечно, очень интересно, хотя и трудновато. Но ведь не менее интересно, я считаю, быть и внучкой. Я бы, например, с огромнейшим удовольствием снова стал маленьким.

— И что бы ты делал? — насторожённо спросила Оля. — Чем бы ты занимался, если бы снова стал маленьким?

— Что бы я делал! — весело воскликнул дедушка, всплеснув руками. — Чем бы я занимался! Да детством бы наслаждался!

— Как это — наслаждаться детством?

Дедушка стал серьёзным, даже грустным немного, и ответил печальным голосом:

— Ну, во-первых, вся жизнь у меня снова была бы впереди, вот как у тебя сейчас... Я просто был бы маленьким, вот и всё! И было бы мне очень-очень замечательно!

— А никак нельзя этого сделать? — озадаченно спросила Оля.

— Увы...

Оля с сожалением покачала головой, долго молчала, задумчиво глядя на дедушку, сказала таинственно:

— Нет, не увы. Сейчас я порисую, немного полеплю из пластилина, а потом что-то для тебя придумаю. — И весело добавила: — Тебе понравится!

Пока она рисовала и лепила, дедушка изредка и с интересом посматривал на неё, чистил картошку для супа. Оле ещё

рано доверять настоящий металлический нож, но есть у неё маленький пластмассовый ножичек, которым ей можно резать грибы для сушки или жарёхи и хлеб резать можно не большими кусочками. Вот мыть картошку для супа — Олина обязанность.

— Посмотри, дедушка, посмотри! — позвала она и протянула рисунок. — Это вот дом, а в этом окошке — я, видишь? Правда, меня не видно, потому что занавеска. А в этом окошке ты, видишь? Правда, тебя тоже не видно, потому что занавеска.

— Ну, если не видно... — Дедушка внимательно поразглядывал рисунок. — Но вполне можно представить, что за занавесками ты и я.

— Представить, представить! — Оля спрыгнула с табуретки на пол и попрыгала от радости, но вдруг в одно мгновение стала серьёзной, проговорила деловито: — Слушай меня внимательно. Тебе хочется быть маленьким, а мне хочется быть большой. Вот за этой занавеской, представь себе, ты — будто я, а вот за этой занавеской я, представь себе, — будто ты... Давай, дедушка, завтра... — Голос её от волнения понизился до шёпота. — Давай завтра ты будешь будто я, а я буду будто ты?

— И как мы это сделаем? — недоумённо спросил дедушка. — Я — ты, а ты — я?

— Неужели не понимаешь? — удивилась, даже немножечко обиделась Оля и стала увлечённо объяснять: — Завтра я буду будто бы большая, будто бы твоя бабушка, а ты будешь будто бы маленький, будто бы мой внучек! Вот и всё! Только взаправду будем, а не понарошку!

— Постараюсь... — неуверенно и почему-то с виноватой улыбкой проговорил дедушка. — И сколько времени мы будем играть?

— Ты опять ничего не понял! — Оля посмотрела на него с разочарованием и укоризной. Мы будем как бы взаправду! Ты будешь меня слушаться, а я — буду за тобой ухаживать и воспитывать тебя!

— Один вопрос... — Дедушка долго смеялся, а Олино лицо становилось всё серьезнее. — Скажи, пожалуйста, а мне можно будет иногда... капризничать? Не есть кашу? Выпрашивать конфеты?

Оля тяжело вздохнула и грустно ответила:

— Не знаю... По-моему, я никогда не капризничаю. Просто бывает плохое настроение, а вы этого не понимаете.

— А когда у нас бывает плохое настроение, ты это понимаешь? — уже серьезно спросил дедушка.

— Вам всё равно легче, чем мне! — убежденно сказала Оля. — Вот уложили вы меня спать. Да? Я одна, а вы с бабушкой вдвоём. Мне спать, а вам разговаривать, разговаривать, разговаривать!

— Ну, хорошо, бабушка, — сказал дедушка, — я, внучек твой, пойду спать, а ты сиди и разговаривай.

— Спокойной ночи, мой внучек, — благодарным тоном сказала дедушке Оля. — Вот и получилось, представь себе, что ты будто я, а я, представь себе, будто ты!

— Но сегодня, как я понимаю, мне ещё можно побыть дедушкой?.. Тогда мой картошку, а я открою консервы.

Весь день Оля была серьезной, сосредоточенной и задумчивой. Не шалила она, не просила конфет, супу съела целую тарелку и с хлебом, вечером сама, без напоминаний вернулась с улицы и сказала:

— Попью чаю и спать. Завтра у нас важный день.

— Судя по всему, из тебя получится неплохая будто бы бабушка, — сказал дедушка с уважением, — а я постараюсь быть неплохим будто бы внуком.

Хорошо спится в деревне, куда лучше, чем в городе. Тишина ведь здесь такая, что если прислушаться, то услышишь, как под окном шелестит каждый листочек на маленькой берёзке... Комната в избе по сравнению с городской — просто огромная, воздуха много, и дедушка, сидя на кухне, с удовольствием и нежностью слушает, как глубоко дышит во сне Оля, иногда громко посапывая...

А самое главное: хочешь — спи на раскладушке, хочешь — на кровати или длинном деревянном диване, а ещё замечательнее — на печи или на полатах!

Оля всегда просыпалась разбуженной, весёлой и сразу спешила будить бабушку или дедушку, хотя было ещё очень рано. Вскоре, едва успев позавтракать, Оля уже убегала на улицу или в огород, где её ждали многие дела.

На этот раз Оля проснулась и долго лежала не двигаясь, разбуженная неясным волнением, потом села на раскладушке и задумалась... Что-то сегодня должно произойти очень, очень, очень... А что?.. Грустное или весёлое?

— Что-то очень, очень, очень важное, — прошептала Оля и сразу вся просияла. — Ведь сегодня я — бабушка, а дедушка — мой внучек! Дедушка, дедушка! — радостно и громко позвала она. — Да нет, нет! — Она рассмеялась. — Внучек, внучек мой, иди будить меня, свою бабушку!

Дедушка сел на кровати, долго протирал глаза, зевал, ничего не понимая спросонья, удивился:

— Какой внучек? Какая бабушка?

— А ты вспомни, вспомни, вспомни! Сегодня я твоя бабушка, а ты мой внучек! Мы же вчера договорились! Что ты — это будто я, а я — это будто ты! Вот и буди меня, как я всегда бужу тебя!

Дедушка три раза зевнул, один раз вздохнул и проговорил:

— Доброе утро, бабушка. Пора вставать. Дай мне конфету! — потребовал он.

— До завтрака никаких конфет! — строго отказала Оля. — Быстро умываться и чистить зубы!

Бабушка из неё получилась очень весёлая, а внучек из дедушки получался очень хмурый и недовольный. Он проворчал:

— У меня на сегодня запланирована масса дел. Надо принести дрова...

— Сначала надо наконец-то навести порядок в игрушках! — сердито произнесла Оля. — Все они свалены в кучу! Неужели трудно выбрать полчаса...

— Хорошо, хорошо, бабушка! — проворчал дедушка. — Давай сначала позавтракаем. Вот я попью кофе...

— Ты что?! — поразилась Оля. — Разве дети пьют кофе?!

Тут они чуть-чуть не поссорились, вернее, чуть-чуть не обиделись друг на друга. Оля упрямо повторила:

— Дети не пьют кофе. Мы же договорились, что будем бабушкой и внучком взаправду, а не понарошку. Ведь договорились?

— Хорошо, я не буду пить кофе, — сдерживая раздражение, сказал дедушка. — Но надеюсь, что и ты, ба-буш-ка, последуешь моему примеру?

— Если ты будешь на каждом шагу спорить, мой внучек, — грустно произнесла Оля, — мы никогда не позавтракаем. Вот так целый день и проспорим.

— Больше не буду, бабушка, — печально пообещал дедушка и стал пить чай. И Оля тоже стала пить чай, объяснив это тем, что не все же бабушки пьют кофе.

Дальше дела у них пошли веселее, хотя короткие споры возникали частенько: дедушка нет-нет да забывал, что он будто бы внучек, зато Оля всё время помнила, что она будто бы бабушка.

Дедушка больше часа провозился с игрушками, разложил их по местам, и Оля угостила его конфетой, но напомнила:

— У тебя же куклы голодные! Кроме того, им пора спать!

— Я всё-таки будто бы внучек твой, а не будто бы внученька! — рассердился дедушка. — Мы, мальчишки, в куклы не играем, к твоему сведению, ба-буш-ка!

— Правильно, — с неохотой согласилась Оля. — Тогда я позову Андрюшу и Катю, и вы устроите в избе трам-тарарам.

Дедушка даже запыхтел от возмущения, но промолчал, а Оля сказала:

— Не знаю только, как им объяснить, кто мы с тобой сегодня такие? Андрюша ведь не поймёт: он уже большой. Зато Катя маленькая, ей объяснять долго, по-моему, не придётся.

Так оно и получилось. Второклассник Андрюша ничего не понял. Сидел он и, выпучив от изумления глаза и потеряв дар речи, смотрел, как дедушка ведёт себя, будто бы он внучек.

Трам-тарарам — это надо из раскладушки сделать дом, заползти в него, немного там посидеть, снова выползти, опять заползти... и всё время хохотать!

А бабушка должна всё время повторять:

— Тише, дети, тише! Пора кончать!

Вскоре после начала трам-тарарама дедушка честно признался:

— Я устал. Мне давно пора есть и спать. Ведь я маленький...

— Хорошо, — с видимым неудовольствием согласилась Оля, — но настоящие дети не просят спать, особенно днём.

— Он же дедушка твой, — в страхе прошептал ничего не понимавший Андрюша, — чего это вы?

— Да она будто бы бабушка, — объяснила маленькая Катя, — а он будто бы внучек.

— Зачем?! — поразился Андрюша. Оля с Катей махнули на него рукой, и он в полном смятении убрёл, а с улицы крикнул: — Ерунда какая-то получается!

— Сам ты ерунда! — крикнула в окошко Катя, а Оля сделала ей за это строгое замечание.

— Хотя ты будто бы и бабушка, но ведь не моя! — обиделась Катя и ушла.

— Да, трудно быть бабушкой, — озабоченно проговорила Оля и принялась накрывать на стол.

— Маленьким быть нисколько не легче, — со вздохом сказал дедушка.

А вот когда дедушка после обеда лёг спать, а Оля пела ему убаюкивающие песенки (какие он пел ей, когда она была внучкой), он подумал, что совсем неплохо быть внуком даже в пожилом возрасте.

И вечером после ужина Оля укладывала его спать и опять пела убаюкивающие песенки...

— Завтра я снова буду я, — уже сквозь сон прошептал дедушка, — а ты будешь ты... Маленькие всё равно рано или поздно становятся большими, а большим всё-таки никогда не стать маленькими...

— Спи, внучек, спи, — ласково прошептала Оля, — набирайся сил.

Она выключила настольную лампу, в темноте осторожно прошла к раскладушке, разделась, забралась под одеяло и, засыпая, с огорчением успела подумать, что ведь она могла сегодня ещё долго-долго посидеть на кухне. Ведь она пока ещё будто бы бабушка...

Мы с тобой не зря заблудились

Однажды дедушка и Оля заблудились в лесу. Конечно, это могло бы кончиться и очень плохо, но получилось совсем не так. Можно сказать, заблудились они не зря.

Бабушка настойчиво не советовала им идти: грибов всё равно нет, уж лучше бы в огороде потрудились.

— В огороде мы успеем потрудиться, когда вернёмся, — весело сказал дедушка. — Кроме того, я предчувствую, что ждёт нас хоть маленькая, да удача. Мы будем идти по лесу медленно, предельно неторопливо, под каждый кустик не поленимся заглянуть!

Но вместо удачи ждала их неудача.

Ходили они по лесу, ходили, ходили медленно, ходили предельно неторопливо, под каждый кустик не ленились заглядывать, а грибы будто бы...

— А грибы будто бы в гости ушли, — устало и невесело пошутила Оля. — Вот поганок никто не пригласил, так их сколько угодно.

— Давай-ка перекусим, — предложил дедушка. — Сразу сил прибавится и настроение станет лучше.

— Будто бы поганки нас в гости позвали, да? — Оля рассмеялась. — Интересно, чем же они нас угостят?

Дедушка отыскал широкий, но невысокий пенёк, подтащил два брёвнышка, и они с Олей удобно уселись.

— Понятия не имею, чем бы нас угостили поганки, — весело сказал дедушка, — но бабушка дала нам с тобой вот что.

И на пне появились: варёные картофелины, красные помидоры, один большой солёный огурец, два яйца, зелёный лук, хлеб, соль в спичечном коробке и бутылка с чаем.

— Как я люблю есть в лесу! — восторженно прошептала Оля. — Здесь всё в сто раз вкуснее, по-моему!

— В лесу вообще прекрасно, — задумчиво проговорил дедушка. — Когда ты была совсем маленькой, даже ходить не умела, я носил тебя в лес на руках. Ты и говорить ещё не умела, а только смеялась и хлопала в ладошки. Видимо, лес тебе и тогда уже нравился.

— Расскажи, Расскажи мне про моё раннее детство! — смущённо и радостно попросила Оля. — Какой я тогда была?

— Ты всегда была выдумщицей, — ласково ответил дедушка. — Ешь, ешь, — голос его стал строгим, — силы нам ещё понадобятся... Вот подходим мы однажды вечером к нашему дому в городе. Ты показываешь рукой на кусты и в ужасе шепчешь: «Деда, там вок!»

— Кто? Кто? — со смехом спросила Оля.

— Вок. Так ты называла волка.

И они долго смеялись, и Оля удивилась:

— А откуда в городе мог быть волк?

— Да никакого волка, конечно, быть не могло. Ты его выдумала.

— А ещё что как называла я в моём раннем детстве?

— Горох ты называла гогока. Комара — гамар. Гром — гом. Цыплятки — пислятки.

Они смеялись и ели, ели и смеялись. Размахивая большим солёным огурцом, Оля сквозь смех выкрикивала смешные слова из своего раннего детства.

Вдруг из кустов раздался сердитый голос:

— Это кто тут расхохотался, все грибы распугал?

Оля насторожилась, а дедушка прошептал:

— Не бойся, это бабушка Наталья, — а в сторону кустов он сказал громко: — День добрый, уважаемая Наталья Никифорова!

Из кустов вышла малюсенькая старушечка с огромнейшей корзиной в руках, ответила возмущённо:

— День-то добрый, а Оленьку-то зачем в такую даль затащили? Кому это в голову взбрело маленькое дитё мучить?

— Я не маленькая, — обиженно сказала Оля, — никто меня никуда не затащил и никто меня не мучил.

Бабушку Наталью в деревне прозвали Радио и Прокурором. Радио — потому что она первой узнавала новости и быстро передавала их всей деревне. Прокурором — потому что

бабушка Наталья не переносила, чтобы кто-нибудь вёл себя плохо или глупо, пусть даже собаки и кошки, всех провинившихся она отчитывала громко, строго и долго.

Вот и сейчас она громко и строго проговорила:

— Притомилась ведь девонька-то наша! Такую махонькую в такую даль завели!

— Я сама шла, — тоже строго, но негромко возразила Оля. — Никто меня не заводил. Я два грибочка нашла.

— Из-за двух грибочков тащиться...

— Наталья Никифоровна, — перебил дедушка, — а сколько грибов в вашей немаленькой корзиночке?

— А у меня другой нету! — сразу обиделась бабушка Наталья. — Да я всё одно пустая не вернуся! Я берёсты наотрываю! Или трав нарву! На худой конец сучьев для растопки полнёшеньку корзину притащу! А ребёночек у вас притомится, ноженьки у него заболят, головка закружится. Слушайте меня, я вам помогу, не дам ребёночку мучиться! Слушайте! — почти приказала она. — Идите по этой вот тропинке. Тогда прямёхонько и быстрёхонько попадёте на поле с горохом.

— И гороху поедим! — радостно воскликнула Оля, а дедушка недоверчиво спросил:

— Идти всё прямо? Не сворачивать?

— Сворачивать незачем. Она прямёхонькая. Я всегда по ней хожу. Неприметная она, а короткая и верная.

Дедушка поблагодарил бабушку Наталью, посадил Олю себе на плечи и пошёл прямо по тропинке.

Надо ли говорить, как обрадовалась Оля! Ведь от еды сил у неё не прибавилось, а наоборот: ноги стали слабыми. И вот, сидя на дедушке, она смеялась и сквозь смех напевала:

— Горох — гогока! Комар — гамар! Гром — гом! Волк — вок! Цыплятки — пислятки!

А дедушке было приятно нести внучку, слышать её звонкий голос и смешные слова из её раннего детства. Правда, радость его несколько омрачалась тем, что тропинка оказалась не прямёхонькой, часто сворачивала то в одну, то в другую сторону.

— Конечно, жаль, что грибов не набрали, — сказал он, пытаясь успокоить самого себя, — зато прогулялись замечательно.

— И поели ещё замечательнее! — добавила Оля. — И тропиночку бабушка Наталья показала замечательную! Скоро гогоку поедим!

Увы, пока они не знали, какой коварной окажется эта тропиночка...

Всё медленнее и медленнее шёл дедушка, всё чаще приходилось ему нагибаться, чтобы Оля не ударилась лицом о нависшие над тропинкой огромные разлапистые ветви.

— Признаться, я очень здорово устал, — вдруг сказал дедушка тихим, каким-то сухим, будто неживым голосом, — здорово очень я устал...

— Так отдохнём, — виновато предложила Оля. — Или я пойду сама.

Дедушка промолчал, а шёл уже совсем медленно. Наконец он остановился, опустил Олю на землю и сумрачно произнёс:

— А тропинка-то вроде бы и кончилась.

Оля давно чувствовала что-то тревожное и спросила почти испуганно:

— Почему? Как это?

— Да вот так... видишь, нет больше её, — растерянно ответил дедушка. — Зачем я Наталью Никифоровну послушался? Заблудились мы с тобой.

— Насовсем заблудились? — дрожащим голосом спросила Оля. — Спать здесь будем, да? А воки нас не съедят? — робко пошутила она.

— Спать мы будем дома, — решительно заверил дедушка. — Обидно только, что много времени и сил зря истратили.

— Она обманула нас?

— Нет, она просто что-то перепутала. Ничего страшного не случилось. Вернёмся на знакомое место и отправимся домой хотя и долгой, но зато уж вернейшей дорогой. По коням!

— У... ура... — еле слышно прошептала Оля, а собиралась громко крикнуть.

Дедушка снова посадил её себе на плечи и быстро зашагал обратно.

— А тебе не страшно? — через некоторое время спросила Оля.

— Ни капельки, — твёрдо ответил дедушка. — Бояться нам, честное слово, нечего. Только не вздумай спать. На руках мне тебя далеко не унести. Ты ведь не маленькая.

— Конечно, конечно! — обрадовалась Оля. — Но вот... когда спать заставляют, не хочется. А вот... когда спать нельзя, глаза сами закрываются. — Она не удержалась и громко, протяжно зевнула. — Я буду петь, чтобы не заснуть!

Не успела она придумать, какую песню запеть, как дедушка резко остановился и сердито проговорил:

— Мы идём явно не туда! Какая-то заколдованная тропинка! Я иду по ней, а прихожу неизвестно куда! — Он опустил Олю на землю. — Во всём разберёмся сами. Значит, ты очень хочешь спать?

— Я не виновата, — нервно зевая, пробормотала Оля. — Меня ноги не держат, и глаза закрываются. Меня, по-моему, даже шатает.

— Раз хочется спать, надо поспать, — сказал дедушка. — Вон и кровать!

Кроватькой он назвал высокую кучу хвороста, положил на неё свою куртку, а на куртку опустил внучку. Оля сразу заснула.

Пока она спала, дедушка определил, в каком направлении им надо идти, и даже сам подремал немного, сидя на траве и прислонившись к куче хвороста.

Проснувшись, Оля не сразу поняла, где находится: ведь она ещё ни разу не спала в лесу, да ещё на такой необычной кровати.

— Я вспомнила, — уныло прошептала она, — мы с тобой заблудились. Но я стараюсь не бояться.

— Мы с тобой заблудились, — весело сказал дедушка, помогая внучке слезть с кучи хвороста, — дорогу нашли. Надо идти прямо на солнце!

И они двинулись прямо в чащу деревьев, сквозь которые просвечивало яркое, радостное, торжествующее солнце, пошли вперёд без всякой тропинки.

Но Оля крепко держалась за дедушкину руку.

А когда они выбрались на знакомую опушку, Оля ойкнула восторженно, остановилась и призналась:

— Я тогда не сказала тебе, что ведь я испугалась очень. Я, по-моему, и спать-то захотела со страху.

— Неважно. Держалась ты молодцом.

— Как это?

— Не расхныкалась, не жаловалась. Я даже не заметил, что ты испугалась.

— А сам ты не боялся?

— Я боялся за тебя. Волновался за бабушку. Ведь она нас наверняка потеряла.

— Я старалась, — смущённо прошептала Оля. — А почему ты... а зачем ты... ну... сказал мне, что мы заблудились? Ведь если бы ты не сказал, я и не знала бы.

— Зато я не узнал бы, какая ты смелая. И ты этого долго не знала бы.

— Да я же трусила, я очень, очень трусила! Какая же я смелая? Я даже и сейчас... боюсь всё-таки.

— Смелый не только тот, кто не трусит, — погладив Олю по голове, торжественно произнёс дедушка, — но и тот, кто побеждает трусость. В общем, можно сказать, что мы с тобой не зря заблудились.

Рисуем солнце, верим солнцу

Сначала они считали дождливые дни, досчитали до четырёх, до пяти, до шести, расстроились и больше уже не считали. Показалось им, что дождь льёт всегда, забыли они даже, что бывали дни, прокалённые солнцем, и вся деревня мечтала о дожде. А вот сейчас и представить не могли, что солнце когда-то было...

А тут ещё бабушка из города всё не приезжала и не приезжала... И такое у них получилось настроение, что прямо хоть в город возвращайся!

Потом вдруг дождь перестал литься. Его вроде бы уже и не было, хотя он и был. Просто его не было видно. А он всё равно был.

Оля с дедушкой вышли из избы, постояли немного, потому что идти было некуда — везде ручьи и лужи.

— У меня лицо мокрое! — удивилась Оля.

— У меня тоже, — сказал дедушка, — не дождь, а какая-то водяная пыль. Чем же мы с тобой займёмся?

— Можно истопить печь, — предложила Оля.

— Но в избе и так тепло, — возразил дедушка. — Читать, признаться, надоело. — Он несколько раз тяжело вздохнул и решительным тоном произнёс: — Нам необходима помощь! — и объяснил: — Нам нужен человек, который бы научил нас, как надо жить в дождливую погоду!

— А разве есть такие люди? — спросила Оля. — А где они живут?

— Такие люди, конечно, есть, — грустно ответил дедушка. — Только трудно узнать, где они живут... Идём, перекусим, может, чуточку легче станет.

Они перекусили, попили чаю, заваренного на смородиновом листе, но легче им ничуть не стало. Наоборот, они заскучили ещё больше.

Это было для них довольно странно, ибо дедушка и внучка обычно никогда не скучали, всегда находили массу интересных дел и занятий. А тут — ну ничего не получалось, ничего не могли придумать.

— Если бы мы с тобой были засонями, — мечтательно проговорила Оля, — мы бы уснули и спали до тех пор, пока не кончится дождь!

— В принципе, мы можем уехать в город и вернуться, когда прекратятся эти ужасные дожди, — неуверенно произнёс дедушка. — Но ведь тогда получится, что мы испугались плохой погоды. Никто нас за это не похвалит. Нас осудят. Более того, нас, может быть, станут презирать.

А тут ещё как раз пришёл гость — сосед дядя Федя. Он был весь мокрый и не успел присесть на табуретку, как с него натекло вокруг много-много воды.

— Уматывайтесь-ка вы в город! — сердито приказал дядя Федя. — Нечего вам здесь делать! И ребёнка застудить можете! А дождине этой конца не будет! Уматывайтесь. Уматывайтесь, пока не поздно!

— Нет такого слова — «уматывайтесь», — возмущённо сказала Оля. — И «дождина» — такого слова нет.

— Рано или поздно дождь всё равно кончится, — сказал дедушка.

— Не смешите меня! — грозно приказал дядя Федя. — Три года назад дождь лупасил три месяца подряд!

— Нет такого слова — «лупасил», — почти со слезами сказала Оля.

— Ты со взрослыми не спорь! — прикрикнул дядя Федя. — А то, чего доброго, ещё и воспаление лёгких схватишь! Или коклюш! Мотайте-ка в город, пока не поздно!

И он ушёл, громко стуча сапогами в сенях, и ещё оттуда слышался его сердитый голос:

— Слова всякие бывают! Нету таких слов, чтоб их не было!

— И всё равно нет такого слова — «мотайте», — сказала Оля и заплакала.

— Вот это уж зря, — сокрушённо произнёс дедушка. — Сколько раз мы с тобой договаривались, что слезами горю не поможешь.

— А у нас горе? — сразу перестав плакать, спросила Оля.

— В некотором роде... — Дедушка долго молчал, затем твёрдо произнёс: — Нам надо что-то предпринимать! Есть же выход из положения! Только мы его не знаем... Входите, входите! — крикнул он, услышав стук в дверь. — Интересно, кто бы это мог быть?

А это был незнакомый дяденька, лицо которого украшали большая, весёлая, вся в мелких завитушках рыжеватая борода и длинные, торчащие в стороны усы.

Он весело сказал:

— Сердечно приветствую вас, дорогие товарищи! Если вы разрешите мне немножко у вас посидеть, благодарности моей не будет границ!

— Ой, мы вас даже чаем угостим! — радостно воскликнула Оля. — Мы вам даже перекусить дадим!

— Ой, как замечательно! — восторженно воскликнул дяденька и поклонился. — Я промок, как говорится, до костей. Ведь я протопал под дождём ни много ни мало, а ровно семь километров! Представляете? И всю дорогу я смеялся, прямо-таки хохотал сам над собой!

— Что же тут смешного? — удивился дедушка.

— Конечно, ничего, — ответил нежданный гость. — Но не плакать же мне! Ну, посудите. Льёт проливной дождь, и всё-таки я иду на автовокзал, подхожу к кассе, беру билет до остановки, название которой случайно попало мне на глаза, еду полтора часа, схожу в незнакомом месте и под дождём иду неизвестно куда! Ну разве не смешно? — И он рассмеялся столь заразительно, что его поддержали Оля с дедушкой.

Дяденька оказался художником Тимофеем Григорьевичем. Оказалось также, что в городе тоже давным-давно дожди, и они ему до того надоели, что он решил от них уехать.

— И приехал к ним же! — весело заключил он, и они опять втроём рассмеялись.

— И всё-таки это ужасно, — печально сказал дедушка. — Мы просто не знаем, что нам делать.

— Сначала надо попробовать сочинять стихи, — посоветовал Тимофей Григорьевич.

— Какие? — изумилась Оля. — О чём?

— О дожде, конечно, — ответил Тимофей Григорьевич. — О том, что нечего его бояться. Ну, например, так... — Он помолчал, задумчиво теребя свою большую, весёлую, всю в мелких завитушках рыжеватую бороду, и торжественно продекламировал: — Дождик, дождик, лей ты, лей! Не такой я дуралей, чтоб тебя бояться! Буду я смеяться!

И они опять втроём долго хохотали. Оля спросила:

— А если про меня, то как будет? Ведь я не дуралей, а... как?

— А вот так! — Тимофей Григорьевич встал и, взмахнув руками, продекламировал: — Дождик, дождик, лей-ка, лей-ка! Я тебе не дуралейка, чтоб тебя бояться! Буду я смеяться!

И они опять втроём так хохотали, словно хотели переходить друг друга. Первым перестал смеяться дедушка, озабоченно спросил:

— Ну а если стихи помогут лишь на некоторое время, а потом снова станет не по себе?.. Ведь дождит и дождит... Мне жалко землю. Она уже давно не может впитывать воду. Дядя Федя сказал, что этой дождине конца не будет.

— Восхитительный чай! — сказал Тимофей Григорьевич. — Итак, что надо делать, если дожди не прекращаются, а стихи уже не помогают победить угнетённое состояние?.. Тогда надо рисовать солнце!

— Рисовать? — разочарованно спросила Оля.

— Да, да! Именно рисовать! — убеждённо ответил Тимофей Григорьевич. — Если солнце не показывается, а оно вам необходимо, надо рисовать его! Начали!

Первой нарисовала солнце Оля — красный круг и от него в стороны короткие широкие линии — лучи.

— Недурно... недурно, — одобрил Тимофей Григорьевич. — Сделай лучи подлиннее, и твоё солнце будет к хорошей погоде.

Дедушкино солнце получилось маленьким.

— Простите, но вашему солнышку туч не разогнать, — огорчённо сказал Тимофей Григорьевич. — Солнце должно быть большим и радостным! Вот! Вот! И — вот! — и он нарисовал на Олином солнце глаза и широкий смеющийся рот.

— Тише, товарищи... — прошептала Оля.

— Вот и кончился дождь, — громко сказал Тимофей Григорьевич. — Во-он и солнце показалось!

— Невероятно, совершенно невероятно, — пробормотал дедушка. — Получается, что Олино солнце помогло появиться настоящему?

И, стоя у открытого окна, они втроём громко рассмеялись. Оля была меньше всех, но смеялась громче всех.

— Рано, рано развеселились! — слышали они сердитый голос дяди Феди. — Шесть лет назад вот так же дождище перестал, а потом ка-а-ак... стра-а-а-ах чего началось! У меня две штуки курицы чуть в луже не утопи! А потом ещё и град вдарил! Корове моей чуть глаз не выбило! Нельзя на солнце надеяться! Кончайте веселиться и...

И Тимофей Григорьевич плотно закрыл окно и сказал:

— Прошу на прогулку в лес!

— Сейчас? — удивилась Оля.

— Зачем в лес? — поразился дедушка. — Там же... не просто сыро, а, так сказать, свержсыро. Мы вымокнем!

— Конечно, вымокнем, да ещё как! — весело согласился Тимофей Григорьевич. — Но мы же не сахарные! Солнце, — он широко взмахнул руками, — исполнило нашу просьбу —

выглянуло! И мы должны верить солнцу, а не этому сердитому крикуну за окошком. Понимаете?

— Понимаем, понимаем... — восторженно прошептала Оля. — Мы должны верить, что солнце нас не обманет.

— Будем верить солнцу, а не дяде Феде! — воскликнул дедушка.

— Потому что! — торжественно провозгласил Тимофей Григорьевич. — Если мы будем верить солнцу, оно нас не обманет! В путь, дорогие товарищи!

Вполне возможно, вероятнее всего, это было совершенно случайным совпадением, но тем не менее факт остаётся фактом: с каждой минутой солнце светило всё ярче и ярче, лучи его всё теплели и теплели, пока не стали почти горячими.

Оля шла впереди.

Лыжи синие, палки красные

— **А** почему все люди разные? — удивлённо спросила Оля и настойчиво повторила: — Почему все люди разные?

Дедушка тоже спросил:

— В каком смысле — разные?

— Ну-у-у... — почему-то недовольно протянула Оля. — Неужели не понимаешь? Ну все, все, все люди разные! Почему?

— Почему? — опять спросил дедушка. — Станный и совершенно непонятный вопрос. Все люди разные? А как же иначе? Кошки, например, тоже все разные.

— Мыши! Мыши! — радостно закричала Оля. — Мыши все одинаковые! Скажешь, нет?

— Скажу, нет. Они кажутся нам одинаковыми, потому что маленькие, а видим мы их мельком.

Они сидели за столиком в огороде и чистили смородину.

— Мыши — ладно, — сказала Оля. — Но почему даже бабушки — и то разные?

— А дедушки?

— Но ты-то у меня один, а бабушек две.

Дедушка строго посмотрел на Олю и грустно спросил:

— Разговор опять о лыжах?

Оля виновато посмотрела на него, кивнула и прошептала:

— Я не виновата.

— Я знаю.

И они молча чистили чернющие крупнющие ягоды, думая об одном и том же.

...Оле не разрешали кататься на лыжах, говорили, что сначала надо обязательно подрасти, прятали лыжи и палки тоже прятали.

Жалела об этом Оля очень, потому что лыжи у неё были синие, а палки красные. До того они ей нравились, что она завидовала только тем девочкам, которые катались на синих лыжах, держа в руках красные палки.

Вообще-то Оле давно было известно, где спрятаны лыжи и палки, — в дальней комнате за шифоньером.

Несколько раз, когда дома все спали после обеда, Оля осторожно доставала своё богатство и будто бы каталась. И хотя под лыжами был не снег, а ковёр, Оле всё равно было хорошо, и она любовалась своими синими лыжами и красными палками.

Но потом ей становилось грустно и обидно, до того обидно и грустно, что хотелось закричать: «Да не такая уж я маленькая! Есть поменьше меня, а всю катаются! Я видела!»

Оля убирала своё богатство на место, садилась рисовать зиму и думала: «Всё равно я будто бы покатаюсь на синих лыжах, в руках у меня были не какие-нибудь, а красные палки! Дома, на ковре, но — покатаюсь ведь! И ещё буду!»

Однажды вечером дедушка навестил чуть прихворнувшую внучку, все вздумали пойти в кино и оставили их вдвоём.

— Сиди и смотри, — таинственно округлив глаза, попросила Оля, быстренько достала из-за шифоньера лыжи и палки. — Я катаюсь! Правда, здорово?

Тут дедушка посмотрел на неё долгим печальным взглядом, отвернулся и тихо сказал:

— Правда, здорово... Только больше не делай этого, пожалуйста.

Недоумённо пожав плечами, Оля убрала своё богатство на место, обиженно спросила:

— Почему? Ведь это мне так нравится... Я же не виновата, что очень хочу кататься на синих лыжах с красными палками!.. Ведь никто не узнает!

— Вот и плохо, что никто не узнает, — дедушка поморщился, будто от зубной боли. — Ведь получается, что ты обманываешь, врёшь.

— Как — вру?!

— Так...

Они молчали, молчали, молчали, растерянные, опечаленные.

— Я не понимаю, — сказала Оля. — Одна бабушка купила лыжи и палки, а другая кататься не даёт... Я маленькая, но лыжи-то ведь тоже маленькие! И палки!

— Я очень прошу тебя, — глухо сказал дедушка, — больше не прикасайся к ним. Когда-нибудь я тебе всё объясню. И не сердись на меня. И не обижайся.

Оля и не сердилась, и не обижалась на него, но ничего не понимала. Больше к своему богатству она не прикасалась, только очень часто вспоминала разговор с дедушкой и грустно взглядывала на шифоньер.

И вот даже сейчас, жарким летом, Оля опять вспомнила о холодной, но красивой зиме и подумала: «Лыжики мои бедные, палочки мои миленькие, что же вы там без меня делаете? Я тут загораю, купаюсь, в лес хожу, а вы... А мне сказали, что и в эту зиму мне всё ещё нельзя на вас кататься..»

— Дедушка, дедушка! — испуганно и очень громко позвала Оля, хотя он был рядом. — А пока я здесь расту, лыжи и палки там тоже вырастут?

— Опять? — нахмурившись, с упрёком спросил он.

Оля кивнула, и он сказал:

— Ты сама должна сообразить, что палки и лыжи, конечно, не растут.

— Хорошо, хорошо, я сама сообразила, что лыжи и палки не растут, — обиженно сказала Оля. — Тогда что получается? Я здесь подрасту, а они там останутся маленькими?

Дедушка посмотрел на неё долгим печальным взглядом, как тогда, зимой, когда она каталась на лыжах по ковру в комнате, проговорил холодно:

— Купим другие.

— Ты что?! Мои-то обидятся! Они-то думали, что я буду кататься на них! Я им обещала!

— Это лишь в сказках, — со вздохом сказал дедушка, — вещи бывают живыми, то есть думают, обижаются, ждут кого-то или чего-то. А на самом деле...

— А на самом деле, — осторожно, но всё-таки решительно перебила Оля, — ты вот разговариваешь с грибами. А когда ты колешь дрова, то разговариваешь с поленьями. Значит?

— Значит? — дедушка улыбнулся, а потом и рассмеялся. — Значит, иногда я забываю, что грибы и поленья не умеют разговаривать.

— А я никогда не забываю свои синие лыжи и красные палки. Это смешно или глупо?

— Это не смешно и тем более не глупо, — серьёзно ответил дедушка. — Это, в общем-то, даже замечательно.

— Почему? — обрадовалась и удивилась Оля.

— Знаешь что... — дедушка помолчал, задумчиво глядя на внуку. — Всё же к вещам надо относиться так, как относишься ты. Будто они и в самом деле живые. Ведь делали-то их люди, и людям хотелось, чтобы сделанные их руками вещи приносили пользу и радость.

— Я так и знала! Я так и знала! — восторженно воскликнула Оля. — Только не могла выговорить! Вот почему я хочу кататься на этих лыжах, а не на новых!

— Тоже правильно, — вздохнув, согласился дедушка. — Я тебя понимаю. Я очень хорошо тебя понимаю. Просто ты взрослешь.

— Не... неужели? — с трудом от охватившей её радости спросила Оля. — Ты уверен?

— Представь себе. Я ведь тоже когда-то был маленьким.

— А у тебя тогда были лыжи?

Комары, гром и лоси

— **А** лоси-то, лоси-то, оказывается, злые! — сердито сообщила Оля, едва они с бабушкой вошли в избу, где дедушка готовил обед и воевал с комарами. — Ведь лоси-то, оказывается, природу едят!

— Откуда ты это взяла? — удивился дедушка. — Лоси, было бы тебе известно, очень добрые, совершенно безобидные животные...

— Ну да! Ну да! — ещё больше рассердилась Оля. — Бабушка показала мне, как они ветки съели! А бабушка врать не будет! А ветки — это же природа!

— Вырастут другие ветки, — улыбнувшись, проговорил дедушка и спросил бабушку: — Грибов вы принесли много, а комарики вас здорово поели?

У бабушки отпуск уже окончился, она приезжала в деревню поздно вечером в пятницу и уезжала в воскресенье днём. Видимо, поэтому она и ответила так:

— Мне некогда обращать внимание на разную ерунду.

— Ерунду?! — возмутился дедушка, яростно хлопнул себя по шее, а на лбу Оли осторожно, одним пальцем придавил комара. — Это не ерунда, а издевательство над людьми!

Но бабушка действительно не хотела тратить время на комаров, даже на разговоры о них, и ушла в огород, где стоял столик, на котором она любила разбирать грибы — какие солить, какие мариновать, какие сушить, какие сразу есть.

— Всё равно лоси злые, злые, злые, злые! — опять сердито сказала Оля. — Ветки — это же природа, а они её едят!

— Ну и на здоровье. Морковка — тоже природа, но ты же её ешь. А ведь ты совсем не злая, ты...

— Подожди... подожди... — насторожённым шёпотом оставила дедушку Оля. — Я запуталась...

— Вот именно! — весело согласился дедушка и серьёзным тоном продолжал: — Подрастёшь, многое узнаешь о природе и многое поймёшь. А сейчас уразумей, по крайней мере, одно: лоси — добрые существа, никого не обижают, хотя огромные и сильнющие. А вот малюсенькие комарчики...

— Ма-а-алюсенькие! — возмущённо перебила Оля. — А кусаются, как крокодилы! Все говорят, что от этих разбойников житья нет!

Да, в то лето комары их замучили. Малюсеньких истязателей развелось так необыкновенно много, что спрятаться от них не стоило и мечтать. Сама изба, казалось, нудно и бесконечно звенела...

С каждым днём и без того великое количество комаров всё увеличивалось и увеличивалось. Жизни из-за них и впрямь не было. То есть жизнь, конечно, была, да уж больно неудобная.

Одно нашлось спасение: стоять посредине дороги, когда дул ветер или хотя бы ветерочек. Только тут комары их не трогали почти. И с наступлением темноты, когда дедушка с внучкой, все искусанные, готовы были броситься на писклявых хулиганчиков с кулаками, те до утра оставляли их в покое.

Больше всех от комаров страдала, конечно, Оля, а сначала она их просто панически боялась, каждый раз сжималась от страха и закрывала глаза, едва заслышав над ухом противный писк.

И сколько ни твердил ей дедушка, что глупо бояться, стыдно бояться малюсеньких безобразников, Оля долго боялась их.

Но однажды, когда комары ну просто не давали ей есть любимый ревенёк с сахаром, Оля не испугалась, а рассердилась и ладошками прихлопнула самого наглого пискуна-кусаку.

— Всё! — удивлённо и радостно сказала она.

— Больше его нет! Уничтожай следующего! — подбодрил дедушка.

С этого случая Оля комаров совсем уже не боялась, хотя от укусов их и страдала по-прежнему.

И комары её тоже не боялись. И дедушки они не боялись. Никого они не боялись, пищали и пищали, кусали и кусали, кусали и кусали, пищали и пищали...

— Хоть в город убегай! — временами сокрушался дедушка. — Но ведь смешно и глупо получится! Ну кто нам поверит в городе, что комары нас заели до такой степени?

— Бабушка немножко поверит, — отвечала Оля. — Но всё равно уезжать нельзя. Стыдно, по-моему.

— Тогда — терпеть, — не очень решительно предлагал дедушка.

Терпели.

Терпели.

Терпели...

И когда терпеть становилось уже почти неважноту, дедушка очень решительно говорил:

— Будет, будет когда-нибудь и конец этим безобразникам! И мы с тобой будем вправе гордиться, что не сдались негодяйчикам.

— Только хвастаться не будем, — отвечала Оля. — Это нехорошо.

Они продолжали стойко терпеть комаров, так стойко терпели, что даже ни слова не говорили об их подлых действиях.

— Сколько же можно терпеть? — сокрушался дедушка и сам себе отвечал: — Сколько надо. — Он вздыхал и виноватым тоном заканчивал: — А это очень трудно.

Терпели. И даже во сне им снилось, как истязают их кровопийцы...

Дедушка уже подумывал о том, прав ли он, обрекая ребёнка на такие мучения.

А Оля уже подумывала о том, что пора бы пожалеть дедушку и попроситься в город. Пусть все решат, что это она комаров испугалась.

Они вопрошающими взглядами смотрели друг на друга, через силу ободряюще улыбались друг другу и — не сдавались, стойко терпели.

Зато в один прекрасный день они заметили, что их истязателей стало значительно меньше, а в избе комаров почти совсем не было.

— Мы побеждаем! — радостно сказал дедушка, взмахнув руками. — Скоро мы окончательно победим!

И действительно, вскоре комары исчезли. Вернее, они ещё были, но Оля с дедушкой уже не обращали на них внимания, как это всегда делала бабушка, а только изредка ловко прихлопывали по привычке особенно назойливых.

Началась спокойная, нормальная жизнь. Про жуткое засилье комаров было уже забыто почти.

Но, увы, спокойной жизни, как правило, долго быть не может. Случилась тут страшенная ночь, такая страшенная, что комариная история по сравнению с ней представлялась забавным пустяком.

Вечером Оля с дедушкой полили огород, попололи, умылись очень здорово, долго сидели на бревне перед избой, отдохнули и принялись готовить ужин.

Пока ели, опять устали, но это была приятная усталость, то есть усталость рабочих людей, хорошо потрудившихся и не менее хорошо поевших.

Перед сном дедушка почитал вслух русские народные сказки. Оля слушала, вытянув шею, хотя знала их чуть ли не наизусть. Ей захотелось поговорить, а спать совсем расхотелось, и она сказала, таинственно округлив глаза:

— Знаешь что?.. Когда ты топишь печку, из трубы высывается знаешь кто?.. Дымохвост!

— Дым или хвост? — удивился, а затем рассмеялся дедушка. — Хвост или дым?

— Ды-мо-хвост, — по слогам шёпотом повторила Оля. — Неужели не понимаешь? Дым, но как хвост. Будто у нашей избы хвост! Понимаешь?

— Теперь понимаю. Хвост из дыма. Дымо-хвост. Неплохо придумано. Но — спокойной ночи, приятных сновидений.

— Очень душно, — сказала Оля.

— Я это давно заметил, — согласился дедушка, — я даже трубу открыл, но не помогает. Хорошо, если будет дождь. Спокойной ночи, Оленька. Утром увидимся.

Но увиделись они ночью, которую никак нельзя было назвать спокойной.

Ночью разразилась жуткая гроза.

Даже дедушка потом сказал, что такой страшной грозы, просто жуткой грозы он не видел ни разу в жизни.

Оля проснулась от невероятно сильнейшего грома. Ей показалось, что он бабахнул прямо в избе.

— Ой, деда-а-а! — закричала Оля. — Деда, деда, где ты?

Дедушка сразу взял её, разгорячённую сном и дрожащую, на руки и спокойно, отчётливо выговаривая каждое слово, сказал:

— Только не трусить. Ты же смелая девочка. Ничего с нами не случится. Просто очень большая гроза. Немного страшновато, но зато и красиво. Давай наблюдать. — Он поднёс Олю к окошку, за которым была крошечная мгла.

— Как это — зато красиво, если ничего не видно? — испуганно прошептала Оля. — Мне всё равно страшно. Я боюсь, боюсь, боюсь...

И тут вспыхнула прямо перед ними — через дорогу — такая яркая молния, что на мгновение стало светло, как днём.

— Вот сейчас опять будет гром, — спокойно предупредил дедушка, — приготовься. Ничего страшного не случится, хотя грохнет, наверное, здорово.

Оля крепко обняла дедушку за шею, прошептала с отчаянием:

— Боюсь, боюсь... очень боюсь...

Гром будто обрушился на избу.

— Вот и всё, — ласково шепнул дедушка. — Трусишка ты, трусишка. Но подрастёшь и будешь любить грозы, как я. А бабушка до сих пор грома боится.

— Правда? — тихо обрадовалась Оля и чуть разжала руки, крепко сжимавшие дедушкину шею. — Значит, она тоже трусишка?

— Просто в детстве никто ничего не сделал, чтобы она грозы не боялась.

— А я не буду бояться... потом?

— Конечно, не будешь. Ты всё время думаешь о том, что вот-вот ударит гром. И уже заранее боишься. А ты подумай о чём-нибудь или о ком-нибудь...

Ух, какая тут полыхнула молния — огромная, яркая и прекрасная!

Оля ойкнула, прямо-таки вцепилась в дедушку, а гром-громище ударил враз со всех сторон и даже, казалось, снизу.

Оля крикнула в ухо дедушке:

— А лоси? Лоси-то что сейчас делают?

— Им сейчас неважно приходится, — ответил дедушка, — им сейчас значительно похуже, чем нам с тобой. Им-то спрятаться некуда.

— Страшно им или нет? Боятся они или как?

— Этого я не знаю. Я знаю только, что они умные и соображают, чего им надо делать во время грозы. По-моему, лосятам страшно маленьким, а взрослые, наверное, их успокаивают.

— Как ты меня?

— Как я тебя.

Оля разжала руки, облегчённо передохнула, сказала:

— Пусть они едят ветки. Надо же им чем-то питаться. А ветки вырастут новые. Сколько угодно... Почему не сверкает? — она снова обняла дедушку за шею. — Почему не гремит?

— Слушай...

— Ой... Что сначала? Я забыла: гром или молния сначала?

— Молния... Но больше их уже не будет, по-моему... Слушай, слушай...

В кромешной тьме зашелестело, зашумело, и сразу под окнами забулькало — это с крыши полились потоки воды.

— Грандиозный дождь! — радостно воскликнул дедушка и раскрыл окно.

В лицо им пахнуло такой свежестью, пронзительной и обильной, что они широко раскрыли рты и задышали громко-громко, часто-часто.

Во тьме кромешной шумел радостный ливень.

— А вот сейчас, — сказала Оля, — и лосята уже перестали бояться. Скажешь, нет?

— Главное, что ты перестала бояться, — ответил дедушка. — Сейчас мы с тобой попьем молока и завалимся спать.

Так они и сделали.

Упавшая с неба звезда

— Дедушка, дедушка! — громко позвала, почти прокричала Оля, показывая обеими руками на тёмное вечернее небо. — Звёзды-то летают! Они же летают, оказывается!

Далеко запрокинув голову, Оля смотрела на звёзды и спотыкалась на каждом шагу.

— Нет, — сказал дедушка. — Это лишь кажется, что они летят, потому что ты идёшь. Вот остановись...

— Вот всегда ты со мной споришь! — недовольно и обиженно воскликнула Оля, остановилась, долго молчала, смотря вверх, вздохнула. — Всё-таки они немножечко...

— Нет, нет, — твёрдо возразил дедушка. Оля уже собралась совсем обидеться, как он проговорил: — Зато бывает, что звёзды падают.

— Как? — поразились Оля. — Куда падают? А поймать их можно?

Они с дедушкой медленно двинулись дальше по улице. Оля лишь изредка взглядывала на небо, и в эти моменты ей всё-таки казалось, что звёзды трогались с места.

— Иногда звёзды падают, — задумчиво повторил дедушка. — Летят они вниз, к земле, и по дороге сгорают.

— Все? — испугалась Оля. — Все, все... сгорают?

— Представь себе, — ответил дедушка. Оля остановилась и неуверенно возразила:

— Не может быть. Неужели ни одна звезда не долетит до меня?

— Представь себе, не долетит, — ответил дедушка, — ни одна. Зато есть такое вот поверье. Если увидишь падающую с неба звезду и успеешь загадать желание, пока она не сгорела, желание твоё обязательно исполнится.

— Как это? — спросила Оля.

— Да так, как я сказал. Успеешь загадать желание, пока звезда падает, и желание твоё обязательно исполнится.

Была зима, темнело рано, и каждый вечер во время прогулок Оля не сводила глаз с неба. Звёзд было множество, но ни одна из них, казалось, и не собиралась падать.

— Ты, по-моему, что-то напутал, — сказала однажды Оля. — Я все, все глаза проглядела, а...

— Я же предупреждал тебя, что это бывает редко, — сказал дедушка, — даже очень редко. Если мне не изменяет память, звёзды падают в основном осенью.

— А я уже и желание придумала... — Оля тяжело передохнула. — Чтобы Эдик Сумкин перестал быть злым. Понимаешь, он очень здорово умеет кататься на коньках, а злой!

— Странно, — чуть удивился дедушка. — Очень здорово умеет кататься на коньках, а злой. Почему?

— Этого никто не знает. Даже он сам. Но ведь это очень неприятно, когда человек злой. Я его жалею.

— Ну а в чём выражается его злость?

— Да во всём! — возмущённо воскликнула Оля. — Он просто всё время злой. Ему скажешь: «Здравствуй, Эдик!» — а он отвечает: «Топай, топай отсюда!» Ведь неприятно, правда?

— Конечно неприятно, — согласился дедушка. — Но и непонятно, если он сейчас злой, то что с ним будет, когда он вырастет?

— Он хвастается, что будет дрессировщиком и что его будут бояться даже волки. Вон, вон он... — прошептала Оля.

Под фонарём стоял маленький худенький мальчик в красной куртке и в красной с белой кисточкой шапочке. Он пинал обеими ногами столб.

— Здравствуй, Эдик, — тихо сказала Оля, когда они с дедушкой приблизились к мальчику.

— Топай, топай отсюда! — зло отозвался Эдик, отскочил от столба, разбежался и снова начал пинать его обеими ногами. — Топай, топай отсюда! — ещё злее крикнул он.

— Видал? — Оля тяжело и часто задышала от обиды, а дедушка недоумённо спросил:

— Эдик, а что ты, собственно, делаешь?

— Что надо, то и делаю! — совсем зло ответил Эдик. — А раз вам делать нечего, вот и топайте, куда топали!

— В кого ты такой невежливый? — спросил дедушка.

— Сам в себя!

— А в кого ты такой злой? — строго спросила Оля, а Эдик крикнул, чуть ли не заорал:

— Не твоё дело! С малявками не разговариваю!

— Тогда поговори со мной, — предложил дедушка, — ведь я-то не малявка. Объясни нам, пожалуйста, для чего или почему ты пинаешь столб?

— А просто так! Хочу и всё!

— Ну тогда пинай себе на здоровье, — насмешливо сказал дедушка и сумрачно продолжал: — Глупое, правда, занятие, но если ты ничего умнее придумать не можешь...

— Могу, могу, могу, могу, могу! — Эдик даже запрыгал от злости. — Пойду девчонок в снег толкать!

И убежал.

Дедушка с Олей растерянно и удручённо молчали.

— Он взаправду будет девочек в снег толкать? — испуганно спросила Оля.

А дедушка мрачно ответил:

— К сожалению, такой на что угодно способен. И всё же почему он столь зол? Маленький ведь ещё, а уже злой.

— Он очень здорово на коньках катается, — жалобно прошептала Оля, помолчала и решительно произнесла: — Я буду стараться увидеть упавшую с неба звезду. Я загадаю желание, чтобы Эдик перестал быть злым.

— Видишь ли... — виновато пробормотал дедушка, — это ведь что-то вроде сказки.

— Пусть, — еле слышно, но с отчаянием сказала Оля. — Я всё равно загадаю. Я хочу, чтобы Эдик перестал быть злым.

— Будем надеяться, — неуверенно проговорил дедушка.

Всю дорогу домой Оля то и дело взглядывала на небо, несколько раз она в страхе прошептала:

— Это же ужасно, если он будет толкать девочек в снег! — И вдруг она радостно вскрикнула: — Ой, летит! — споткнулась и упала.

— Ну вот! — огорчённо вырвалось у дедушки. — Ушиблась? Больно?

— Неприятно... Но я видела упавшую с неба звезду! Как быстро пролетела звезда... сгорела она как быстро... я не успела загадать желание... А ведь если бы я загадала, он бы не толкал девочек в снег!

Дедушка помог ей подняться, отряхнуть снег с шубки и растерянно пробормотал:

— Ну что ты... ну что ты... Расстраиваться-то зачем?

— Если все они так быстро... я же никогда не успею загадать желание!.. Значит, Эдик навсегда останется злым?

— Это зависит от него самого, — строго ответил дедушка. — Идём домой. Нас наверняка уже потеряли.

Бабушка, едва открыв дверь, обеспокоенно спросила:

— Что случилось?

— Я упала, но не больно, а только неприятно, — смущённо отозвалась Оля и, пока бабушка раздевала её, рассказала об упавшей с неба звезде и злом Эдике.

— Противный мальчишка, — брезгливо произнесла бабушка, — совершенно испорченный.

— Но он прекрасно катается на коньках! Лучше всех!

— Не знаю, как он катается на коньках, но человек он очень плохой. Его бабушка просто измучилась с ним.

Оля на это ничего не ответила, хотя в глубине души всё ещё жалела злого Эдика и надеялась, что он исправится, если она увидит падающую с неба звезду и успеет загадать желание.

«Надо только быстро-быстро-быстро загадывать, когда увидишь, что звезда падает, — подумала она. — Чтобы Эдик не был злым... чтобы Эдик не был злым...»

Но пока Эдик был злым, и даже очень. Вскоре Оля сама убедилась в этом, и это принесло ей много горя.

Как-то она лопаткой весело копала снег у подъезда. Дедушка задержался в подъезде, разговаривая с кем-то из соседей.

Вдруг откуда ни возьмись рядом с Олей появился Эдик, закричал:

— Ага, попалась!

И обеими руками толкнул её в спину. Оля упала лицом в сугроб и страшно испугалась, так испугалась, что даже пошевелиться не могла. Снег набился ей в рот, нос, залепил глаза.

— Негодный мальчишка! — услышала она в ту же минуту гневный голос дедушки. — Как тебе не стыдно!

— Так вот ей и надо! Так вот ей и надо! — издалека донёсся голос злого Эдика.

Дедушка поднял Олю из сугроба, носовым платком начал осторожно вытирать ей лицо, приговаривая:

— Только не плачь... только не плачь... чтобы этот злюка не слышал... чтобы этот злюка не видел... что ты из-за него плачешь... что ты из-за него плачешь...

— Не буду, — мёрзлыми губами с трудом выговорила Оля, хотя слёзы уже блестели в её глазах и готовы были хлынуть. — Ни за что не буду.

А вот дома Оля расплакалась, сколько ни сдерживалась. Плакать она перестала только потому, что бабушка и дедушка стояли рядом и молчали.

— Почему вы меня не утешаете? — дрожащим голосом спросила Оля. — Почему вы меня не жалеете? Знаете, как мне было страшно и обидно?

— Жалеют слабых, — сказала бабушка, — а ты сильная.

— Я сильная? — обрадовалась Оля. — Взаправду?

— Главное, что тот злюка не видел и не слышал, как ты из-за него плакала, — сказал дедушка.

И весь вечер Оля провела весело: уж очень приятно было ей сознавать, что она поступила правильно, как бы трудно, обидно и страшно ей ни было.

Загрустила она только перед самым сном: всё-таки было очень жаль, что мальчик Эдик живёт таким злым.

Но она вспомнила, как он толкнул её в сугроб, как кричал: «Так вот ей и надо!» — и твёрдо решила, что не будет загадывать о нём, когда увидит падающую с неба звезду. Он недостойн этого.

А она отныне будет мечтать о том, чтобы хоть одна-единственная, пусть самая маленькая, звёздочка долетела бы до земли и Оля нашла бы её, упавшую с неба...

Во сне она видела много-много-много летающих звёзд. Они летали как будто бы наперегонки, кружились в весёлых хороводах и даже вроде бы плясали, как девочки в детском садике на празднике... И вдруг одна звёздочка отделилась ото всех, замерла в сторонке, словно к чему-то приглядываясь, и быстро-быстро устремилась вниз, с каждым мгновением разгоралась всё ярче. Звезда летела к Оле!

И Оля проснулась...

— Пойдём в садик пешком? — предложила она дедушке. — Может, я сегодня увижу упавшую с неба звезду?

Дедушка сказал, что если они пойдут пешком да Оля будет смотреть на небо и спотыкаться на каждом шагу, то они обязательно опоздают. Но зато дедушка обещал немного постоять у садика и посмотреть на небо.

Так они и сделали. Смотрели они, смотрели на огромное-огромное небо — всё в звёздах, но ведь как угадать, откуда именно одна из звёзд устремится вниз?

— И всё-таки это очень интересно, — со вздохом произнесла Оля, когда почувствовала, что им с дедушкой пора про-

щаться. — Гораздо интереснее, по-моему, чем пинать столб или толкать девочек в сугроб.

— В том-то и беда его, — согласился дедушка, — этого злюки в шапочке с кисточкой.

— Он, может, даже и не знает, что бывают на небе звёзды, — полувопросительно сказала Оля. — А если даже и знает, то ничего не понимает. Хотя и очень здорово катается на коньках.

Через несколько дней Оля заболела, в садик не ходила, а когда стала поправляться, бабушка вечерами разрешала ей ненадолго выходить на балкон дышать свежим воздухом.

Оля с удовольствием дышала свежим воздухом, смотрела на небо и думала, думала, думала: а вдруг когда-нибудь хотя бы одна-единственная, пусть самая малюсенькая, звёздочка всё-таки долетит до земли и Оля найдёт её, упавшую с неба... и, может быть, успеет загадать одно очень, очень важное желание...

Как звали Неизвестного солдата?

Оля недоумённо сказала дедушке:

— Вы читаете мне одни и те же сказки, а я до сих пор даже не знаю, что такое Неизвестный солдат.

Дедушка ответил:

— Неизвестный солдат — это памятник воинам, погибшим в Великой Отечественной войне.

— Но почему неизвестный? — удивилась Оля. — Неужели никто не знает, как его зовут? Разве нет у него папы и мамы? Бабушки и дедушки разве у него нет? Может быть, у него

дети есть? Сынок или дочка? И неужели даже они не знают, как его зовут?

Дедушка задумчиво взглянул на неё и печально ответил:

— Неизвестный солдат — это памятник не одному человеку, а всем, понимаешь, всем, кто погиб за нашу Родину. — Он опять задумчиво взглянул на внучку и скорбно продолжал: — Война была очень большая и страшная. На ней погибло много-много солдат. Так много, что каждому поставить памятник невозможно.

— Почему? — допытывалась Оля. — Почему?

— Потому что памятников было бы много-много, так много...

— Ну и что? Пусть много-много. Ведь они были хорошими людьми.

— Они были замечательными людьми.

— Но почему неизвестные? — изумилась Оля. — Знаю, знаю! — голос её обиженно задрожал. — Сейчас ты скажешь: подрастёшь — поймёшь! А мне надо знать сейчас! У нас в группе все говорят о Неизвестном солдате! Одна я ничего не знаю!

— А что именно они говорят?

— Что они видели Неизвестного солдата! Вот!

— И ты увидишь памятник Неизвестному солдату, — сказал дедушка.

— Когда? — восторженно прошептала Оля.

— Скоро.

— Это будет замечательно! — Оля облегчённо вздохнула и с надеждой выговорила: — Может быть, мы даже узнаем, как его зовут.

— Я не скажу тебе: подрастёшь — поймёшь, — сказал дедушка и тяжело вздохнул. — Просто слушай меня внимательно. На той большой и страшной войне каждый солдат

совершал подвиг, каждый был героем, многие из них отдали жизнь за всех нас, в том числе и за тебя.

— За меня? — поразилась Оля. — Откуда же они знали про меня? Ведь, по-моему, меня тогда ещё не было. Даже папы моего во время войны не было. Он мне рассказывал.

— Они погибли за всех детей, — скорбно произнёс дедушка. — Понимаешь?

— Не очень, — призналась Оля. — Но я постараюсь. Мне главное — увидеть Неизвестного солдата и всё-таки узнать, как его зовут. Понимаешь, — виноватым тоном продолжала она, — он погиб за меня, а я не знаю, как его зовут. Это же нехорошо.

Дедушка промолчал, потом сказал:

— Ты увидишь памятник Неизвестному солдату. А сейчас пора спать.

— Конечно, конечно, — устало согласилась Оля. — Может быть, я уже сегодня увижу его во сне.

Нет, не увидела она во сне памятник Неизвестному солдату, очень расстроилась, сказала:

— Все в нашей группе видели его, а он мне даже во сне не приснился! Что делать?

— Во-первых, не расстраиваться, — ответил дедушка, — во-вторых, собирайся и поехали. Увидишь памятник Неизвестному солдату.

Сначала Оля хотела завизжать от радости, потом чуть не запрыгала, но тут же стала серьёзной, вроде как бы мгновенно повзрослела, тихо проговорила:

— Я всё равно узнаю, как его зовут.

До чего же медленно шёл трамвай! «Он не идёт, а ползёт, — с тревогой подумала Оля, — надо было бежать. Я бы давно уже была там!»

Они сошли с трамвая и стали подниматься на высокую гору, они так долго поднимались, что дедушка несколько раз останавливался, чтобы Оля отдышалась. И каждый раз она недовольно бормотала:

— А я... и... нисколько... а я и... не устала ни-ско... лечко... не...

И вот они стояли у большой чаши, в центре которой бился огонь. Около чаши лежало много цветов. Подходили люди, опускали цветы, молча стояли.

Где-то, казалось, на небе, звучала тихая, печальная, но и суровая музыка.

— Она про войну? — прошептала Оля. Дедушка кивнул.

Всю дорогу обратно они молчали. И дома Оля молчала. А уснуть долго не могла.

— В чём дело? — спросила бабушка.

— Я не видела никакого Неизвестного солдата, — недоумённо и даже обиженно ответила Оля.

— Но ты же видела памятник ему, — сказала бабушка.

А дедушка объяснил:

— Памятник — от слова память. Люди смотрят на Вечный огонь и вспоминают всех погибших за Родину. Каждый вспоминает своего родного, близкого или знакомого солдата. Понимаешь?

— Немного понимаю, — прошептала Оля, — совсем немного понимаю. Но у нас в группе говорят, что видели Неизвестного солдата. Может, врут?

— Не знаю, — пожав плечами, ответил дедушка. — Мы найдём с тобой памятник Неизвестному солдату. Обязательно.

— Солдата или огонь? — насторожённо спросила Оля.

— Солдата, — твёрдо заверил дедушка. — Спокойной ночи.

А через неделю они втроём — внучка, дедушка и бабушка — поехали на юг, к морю, в Крым, к дяде Вите.

Море Оле сразу понравилось, хотя несколько дней она его чуточку побаивалась.

— Да нисколько оно не страшное! — весело воскликнула однажды Оля. — Просто оно непослушное! И солёное-солёное! Даже пить его нельзя!

На юге, рядом с морем, все люди счастливые и добрые, даже когда море сердится, когда на море шторм. А добрее всех был дядя Витя. Они с Олей сразу подружились, потому что она тоже была очень доброй.

Они подолгу беседовали о жизни. Оля рассказывала, какие неприятные случаи были с ней в детсадике, а дядя Витя жаловался, как трудно ухаживать за виноградом и убирать его. И оба возмущались тем, что мальчишки ведут себя плохо, а некоторые девочки воображают.

— Вот ведь мы с тобой не воображаем, — говорила Оля, — и ведём себя хорошо.

— Да, я стараюсь, — соглашался дядя Витя.

Словом, жилось Оле до того привольно и интересно, что она и не вспоминала о Неизвестном солдате, пока вдруг не заметила, что на правой руке у дяди Вити нет среднего пальца.

— Это мне на войне фашисты оттяпали, — перехватив её испуганный взгляд, объяснил дядя Витя.

— Как... от... тя... пали? — со страхом спросила Оля. — Ты разве был на войне? Почему же ты мне об этом не рассказывал?

Этот их разговор закончился тем, что Оля осторожно спросила:

— Ты не знаешь, где можно увидеть памятник Неизвестному солдату?

— У клуба, — просто ответил дядя Витя...

Оля от радости и неожиданности так растерялась, что не могла ничего сказать, даже пошевелиться не могла.

— У клуба, у клуба, — подтвердил дядя Витя, удивлённо глядя на неё. — А что?

— А то! А то! — радостно закричала Оля. — Мы с дедушкой давно его ищем! Я во сне его хотела увидеть, да ничего не получилось!

И они — Оля, бабушка с бабушкой и дядя Витя — пошли к клубу. Оля шагала впереди, с трудом удерживаясь, чтобы не побежать.

Солдат стоял не высоко, как обыкновенно ставят памятники, а просто на плите, на земле, за которую погиб, и поэтому казался живым. У него было простое, задумчивое лицо, в руках он крепко сжимал автомат, словно готовый в любой момент броситься в бой, если врагу вздумается обидеть Олю.

— Вот я и увидела тебя, — тихо сказала Оля. — Я знала, что обязательно тебя увижу.

Солдат смотрел на Олю, а Оля смотрела на него. Они долго молчали. Оля сказала:

— Какой он хороший. По-моему, он очень добрый. Можно, я принесу ему цветы?

Бабушка присела в сторонке, а дедушка с дядей Витей молча стояли, не двигаясь и опустив головы.

Оля нарвала в траве букетик, подошла к солдату, осторожно положила цветы к его ногам в больших сапогах, присела на плиту...

По дороге домой дядя Витя рассказывал, какие ужасные бои были здесь, на крымской земле, как много-много погибло здесь солдат и матросов.

Весь вечер Оля ни с кем не играла, ни с кем не разговаривала, взяла цветные карандаши и бумагу, но ничего не нарисовала.

— Почему никто не знает, как его зовут? — спросила вдруг она.

— Все у нас в селе знают, — ответил дядя Витя. — Я вот зову его Петей. Был у меня такой друг. Погиб в сорок третьем году. Бабка Алексеевна, которая напротив нас живёт, зовёт его Ваней. Сына так у неё звали. На mine подорвался. Каждый его по-своему называет.

Оля улыбнулась и сказала:

— Спокойной ночи.

Бабушка моя Евдокия Матвеевна

Бабушка моя Евдокия Матвеевна была доброй и справедливой, но и очень строгой, иногда даже суровой. Она терпеть не могла, когда её не слушались.

— Заболею от расстройства, если кто против моего слова пойдёт, — нередко признавалась она.

Она действительно просто допустить не могла, чтобы её не послушалась, например, курица, не говоря уже о кошке, тем более обо мне, внуке.

Дом наш стоял на берегу реки Усолки в городе Соликамске. Жилось мне вольготно, хорошо и весело, хотя и приходилось слушаться.

Как-то, когда я прикручивал к валенкам коньки, бабушка моя Евдокия Матвеевна сказала обеспокоенно:

— Лёд-то на реке до сих пор тонок. Не вздумай по нему кататься. Провалишься, а то, чего доброго, и утонешь. Вытаскивать тебя некому. Берег высокий, а у меня ноги больные. Пока я к тебе спущусь, поздно будет.

Но ведь всем известно, что есть у мальчишек такая, скажем прямо, глупейшая особенность. Стоит им хотя бы краешком уха услышать, что чего-то никоим образом, ни в коем случае делать нельзя, как мальчишки это обязательно и делают. Так в детстве часто поступал и я.

Конечно же, я пошёл кататься по льду! И лишь только я откатился от берега, в ушах у меня раздался громкий хрустящий треск, и я провалился сквозь лёд. Провалился я сквозь лёд, завопил от страха, даже глаза от страха закрыл, словно от этого тонуть было бы легче. Вернее, глаза сами собой закрылись, прямо-таки захлопнулись.

Страшно мне до того было и вопил я настолько истощно, что от собственного голоса мне стало ещё страшнее, просто ужасно стало. Я не сразу сообразил, что не тону, а стою ногами на твёрдом дне. К моему счастью, воды оказалось всего по пояс, и вопил я уже радостно.

Открыл я глаза, обернулся, увидел на высоком берегу, далеко от меня, бабушку мою Евдокию Матвеевну, снова испугался, снова завопил не своим голосом и стал пробираться назад, к земле, ломая лёд кулаками.

— Иди, иди скорее сюда, миленький! — звала бабушка моя Евдокия Матвеевна громко и ласково. — Побыстрее, дорогой! Сейчас ты у меня получишь, утопленничек! Да шеве-

лись ты, шевелись проворнее, хулиган береговой! Ну и достанется тебе от меня, зимогор соликамский!

Зная её характер, я нисколько не удивился, что сначала она меня отшлёпала, немного, но больно надрала уши, а уж потом только помогла переодеться в сухое бельё, уложила на печь, дала аспирина и чаю с малиновым вареньем да ещё растёрла грудь и спину уксусом. Я пропотел, крепко и сладко поспал в тепле, но проснулся в страхе. Мне подумалось: «А что бы сейчас со мной было и где бы я был сейчас, если бы провалился под лёд не у самого берега, а подальше?!» На жаркой печи мне стало холодно и жутко, как недавно в ледяной воде, до того жутко, что я едва не завопил истошным голосом...

Бабушка моя Евдокия Матвеевна ещё в детстве, но на всю жизнь доказала мне, что старших надобно слушаться, как это сначала ни было бы неприятно. Она мудро рассудила и следовала этой мудрости неукоснительно: основные беды начинаются с непослушания. Как только карапузик или карапузочка решит, что старших можно не слушаться, так и сделает, может быть, первый шаг к тому, чтобы вырасти нехорошим человеком.

Случалось, конечно, что я бывал виноват перед взрослыми, особенно перед родителями, а вот бабушки моей Евдокии Матвеевны я после одного случая не ослушивался.

Настряпала она как-то морковных пирожков, вскипятила самовар, выставила варенья, пригласила меня к столу и давай угощать.

А я отказался есть пирожки.

То ли мне не захотелось именно морковных пирожков, то ли я просто есть не хотел, но — отказался.

Сейчас-то, более сорока лет спустя, когда я уже сам дедушка, понимаю, что ничего бы со мной не случилось, если бы я из уважения к заботам бабушки обо мне съел хотя бы два или три пирожка.

Но вот тогда, более сорока лет назад, я наотрез отказался прикоснуться к угощению.

— А ведь я для тебя старалась, — грозно проговорила бабушка моя Евдокия Матвеевна. — Изволь попробовать! Если ты пирожки есть не будешь, — отчеканила она, — я буду бить китайский сервиз!

Красоты и цены этот сервиз был редкой. Бабушка моя Евдокия Матвеевна гордилась им и пользовалась им только в особенно торжественных и исключительных случаях.

Берёт она в руки чашку красоты и цены необыкновенной и тихо спрашивает меня:

— Есть пирожки будешь?

— А если я не хочу нисколько?

— Если ты пирожки есть не будешь, я чашку раскокаю!

А я небрежно пожал плечами: дескать, не рассказывайте мне сказки.

И чашка из дорогого во всех смыслах этого слова китайского сервиза была раскокана на мелкие кусочечки.

Конечно, я удивился, поразился, растерялся, но сдаваться не собирался.

Тогда и блюдец было раскокано на мелкие кусочечки.

— Буду бить сервиз до тех пор, — глухо, с явным отчаянием произнесла бабушка моя Евдокия Матвеевна, — пока не станешь есть пирожки.

И об пол ударились вторая чашка.

А в руках оказалось второе блюдо...

И начал я есть пирожки, которые, кстати, были весьма и весьма вкусные, и съел я их немало.

Осколочки от двух чашек и одного блюда были собраны в стеклянную банку и выставлены в буфете на видном месте.

И ещё расскажу об одном случае, когда я послушался бабушку мою Евдокию Матвеевну и это пошло мне на пользу.

Очень страдал я от соликамских хулиганов, здорово мне от них доставалось. Немало я от них натерпелся и долго, долго боялся их. Дело дошло того, что хоть и на улице не показывайся. Драться я не умел, а их всегда было не меньше трёх штук. Отлупить меня им не представляло никакого труда, тем более опасности. Они всегда выбирали момент, когда я оказывался один, а поблизости ни одной живой души не было.

Я понимал, что, может быть, драться один на один и побеждать — дело интересное. Но какое удовольствие, радость какая — набрасываться на одного втроём, а то и впятером? Какая же это победа? Правда, иногда меня бил один Генка Сухарь, но ведь он был старше и сильнее меня, да тут же стояло несколько его дружков.

Проведав о моём, так сказать, житье-битье, бабушка моя Евдокия Матвеевна страшно возмутилась:

— Ну и рохля же ты, внук! И правильно они, зимогоры соликамские, делают! Правильно, правильно они делают, что такую рохлю, как ты, почём зря лупят! Почему бы им тебя, тюню, не колошматить, если ты не возражаешь?

Мне пришлось честно сознаться, что я очень боюсь их, что их несколько штук, а...

— Бери палку! — строго, даже грозно приказала бабушка моя Евдокия Матвеевна. — Палку бери и марш к ним! И палкой их, окаянных! Кусайся, царапайся, бодайся, — деловито перечисляла она, — и, главное, кричи: «Наших бьют!» И не убегай! А если убежишь, тебе от меня крепко достанется! И будет доставаться до тех пор, пока не перестанешь хулиганов бояться!

Я прекрасно сознавал, что она не шутит и не припугивает меня, а сделает именно так и только так, как сказала. Картина представлялась неутешительная: либо мне от хулиганов попадёт, либо от бабушки моей Евдокии Матвеевны.

Отыскал я палку, сам вышел на улицу, а душа моя ушла в пятки, точнее, убежала туда — до того я трусил.

Мне казалось, что я медленно, но верно топал на явную смерть. А топал я для того, чтобы сделать вид, что душа у меня будто бы не в пятках, а то бы я её оттуда вытоптал.

И конечно, едва я завернул за угол, как сразу увидел Генку Сухаря с его компанией. Они сразу двинулись мне навстречу. Ничего не соображая от страха, не понимая даже, в какую сторону мне от них убежать, я бросился к ним. На миг хулиганы растерялись, а потом принялись за меня, вырвав из рук моих палку. Но попав, так сказать, в привычную обстановку, в положение вечно избиваемого, я немного очухался и заорал во всё горло:

— Наших бьют! Бьют наших! Ох, как наших бьют! Бьют ведь наших, бьют!

Хулиганы опять на миг растерялись, и тут раздался грозный голос бабушки моей Евдокии Матвеевны:

— Стой! Ни с места! Стрелять буду!

Смотрю: в руках у неё обыкновенные, правда очень большие, грабли, а она кричит:

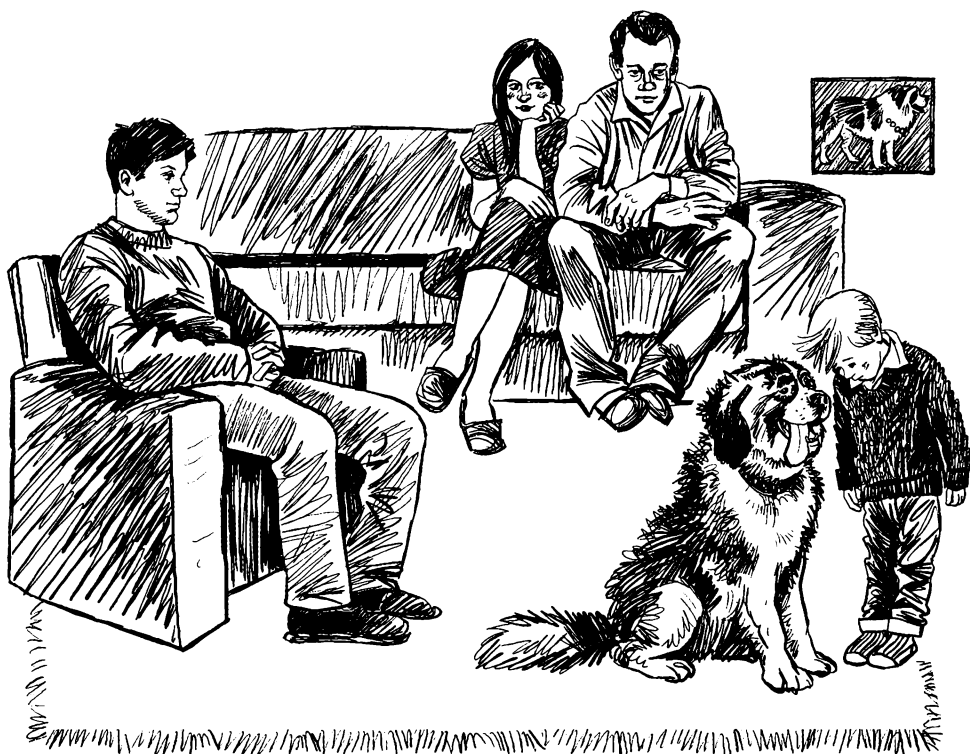
— Сейчас стрелять буду, а ты, внук, бей их почём зря! Бей, бей, не жалея!

Никого я ударить не успел: хулиганы рассыпались в разные стороны.

Больше они меня не трогали, хотя изредка пугали — кулаками вслед грозили, что-то вслед выкрикивали, да и только.

Особой заслуги у меня в этой истории не было, но и страха перед хулиганами уже не было. А хулигану довольно почувствовать, что его не боятся, и он отстанет.

Всем бы такую бабушку, какой была моя — Евдокия Матвеевна. Она и баловала меня щедро, а когда требовалось, не скупилась и на самые щедрые наказания. Всё мне было только на пользу.

Капризный Вася и послушный пёс Атос

ЧТО У ВАСИ ЗДОРОВО ПОЛУЧАЛОСЬ

Прожил Вася на свете уже целых три года. И за эти целых три года Вася многому научился. Не всё ещё у него хорошо получалось, но Вася старался. И чем больше Вася старался, тем лучше у него получалось.

Но больше всего на свете Вася любил капризничать. Это у него здорово получалось.

Не знал Вася, не подозревал даже Вася, что капризничать — дело совсем плохое. Васе казалось, что капризничать дело совсем хорошее.

Вот сидит Вася за столом, ест.

Ест Вася, ест, больше уже не может. Наелся.

Тогда Вася как — стук ложкой по тарелке!

Тарелка и раскололась.

Мама как — хлоп ладонью по столу: рассердилась.

Папа ногой как — топ, топ, топ! Рассердился. Вася — реветь.

— Марш в угол! — приказывает папа.

В углу Васе хорошо, только неинтересно и обидно. Стоит Вася в углу, ноет, хнычет, пищит, повизгивает.

А Васю заставляют просить прощения. А просить прощения тоже неинтересно и обидно.

И Вася не просит прощения, пока чаю попить не захочет. Захочет Вася чаю попить, тогда и прощения попросит.

Простят Васю, чаю ему нальют.

Пьёт Вася чай, пьёт, пьёт, больше уже не может. Напился.

— Вот какой хороший мальчик, — говорит мама.

— Пора спать, Вася, — говорит папа. — Вася, бай-бай.

Укладывают Васю в кровать.

Лежит Вася в кровати, но спать и не собирается. Хорошо Васе в кровати, только неинтересно и обидно. Как в углу. Одна разница: в углу стоишь, а в кровати — лежишь.

Вот если бы наоборот: в углу лежать, а в кровати стоять.

Сказано — сделано! Встаёт Вася и радостно кричит, громко кричит.

— Спать, спать, спать, — говорит мама и укладывает Васю обратно в кровать.

Вася кричит лёжа, но уже не радостно, а обиженно.

— Не обращай на него внимания, — говорит папа, — покапризничает и уснёт.

Как бы не так!

Так бы не как!

Вопит Вася во всё горло.

Отшлёпают Васю. Плачет Вася. Ещё отшлёпают Васю.
Ещё поплачет Вася.

Никто не обращает на Васю внимания.

Устанет Вася реветь и уснёт с горя.

— Ребёнок стал совсем капризным, — грозно скажет папа.

— Хорошо, что в садике не капризничает, — грустно скажет мама.

Но вот Вася стал капризничать и в садике.

ВАСЯ – ПОРОСЁНОК

Никто не знает, кто учит детей капризничать. Кто?
Говорят, что бабушки и дедушки, папы и мамы.

Но это неважно: не все бабушки и дедушки, не все папы и мамы учат детей капризничать.

Да кто же учит детей капризничать?

Дети учатся капризничать сами. Им очень нравится капризничать. Капризничать им интересно. Захотел — заревел. Уговаривайте меня, успокаивайте меня, конфет обещайте!

Но в садике тёти-воспитательницы не уговаривают, не успокаивают, конфет не обещают, а говорят родителям:

— Ваш ребёнок ведёт себя плохо. Примите меры.

И Васиному папе сказали:

— Ваш ребёнок ведёт себя плохо. Кашу ел руками. Компот вылил на стол и шлёпал по нему ладошками. Вымазался, как поросёнок. Грыз карандаш. Примите меры.

Папа вывел Васю на улицу и сказал:

— Не стыдно тебе? Ведёшь себя, как поросёнок.

— Хрю-хрю, — весело ответил Вася и ещё веселее добавил: — Хрю-хрю-хрю!

Прохожие смеются. Папа сердится: неприятно ему, что его сына Васю за поросёнка принимают.

А Вася знай себе хрюкает. А папа его за руку тянет, чтобы быстрее домой привести.

Но Вася вырвался, на землю упал, прямо в грязь.

Упал Вася на землю, прямо в грязь, лежит и весело-весело хрюкает.

— Вставай, вставай, безобразник! — приказывает папа.

А Вася лежит и хрюкает на всю улицу.

— Ну и лежи, — говорит папа, — поросята грязь любят.

Но Васе лежать уже неинтересно. Вставать — тоже неинтересно.

Шла мимо маленькая-маленькая старушка, наклонилась к Васе, ласково спросила:

— Что с тобой, миленький?

— Хрю-хрю, — жалобно ответил Вася.

— Капризничает, — объяснил папа. — Решил, что он поросёнок. Кашу руками ел. Карандаш грыз. Компот пролил.

— Вот он какой весёленький! — обрадовалась старушка. — Поросянок так поросёнок. Ничего страшного. Вставай, миленький, вставай, хорошенький. Как тебя звать?

— Хрю-хрю, — ответил Вася.

— Вот и замечательно! — снова обрадовалась старушка ещё больше прежнего. — Вот и умница!

И опять папа потянул Васю за руку, чтобы поскорее его домой привести. И опять Вася захрюкал на всю улицу.

Пальто у него было в грязи, лицо у него было в грязи, весь он был грязный.

Пришли папа с Васей домой, увидела мама сына, руками всплеснула, спросила:

— Что это с ним?!

— Это с ним грязь, — ответил папа. — Лежал около лужи. Решил, что он поросёнок.

— Неужели?! — испугалась мама.

— Хрю-хрю, — ответил Вася и встал на четвереньки.

Поросёнком быть очень интересно. Интересней, чем ребёнком. И ползал Вася по полу, ползал, хрюкал Вася, хрюкал и вдруг лбом о ножку стола стукнулся. Заревел Вася по-человечески.

— Нет, ты не реви по-человечески, — сказал папа, — а хрюкай.

Но как плачут поросята, Вася не знал и ревел по-человечески, по-Васиному.

Отшлёпали Васю, поставили в угол. Требовали, чтобы Вася просил прощения.

Стоял Вася в углу и хрюкал. Жалобно хрюкал Вася, но никто его не пожалел.

Надоело Васе хрюкать. Начал Вася рыдать. Надоело Васе рыдать. Пошёл Вася просить прощения.

Простили Васю, пригласили пить чай.

Пили все чай, пили, больше уже не могли. Напились.

— Пойдём, Вася, спать, — сказала мама. — Бай-бай, Вася.

Уложили Васю в кровать.

А лежать в кровати неинтересно. А спать тоже неинтересно.

Глаза у Васи закрываются, а Вася их открывает. А они опять закрываются.

Хотел Вася громко-громко хрюкнуть, но громко-громко зевнул. Зевнул Вася громко-громко и уснул, крепко-накрепко уснул.

На другой день в садике был скандал. Вася научил всех ребят хрюкать.

Сначала захрюкала младшая группа. Потом захрюкала средняя группа. Потом захрюкала старшая группа.

Все захрюкали.

Все ребята стали поросятами.

Всем попало.

Всем родителям сказали:

— Ваш ребёнок вёл себя безобразно. Примите меры.

А Васиному папе сказали так:

— Самый главный поросёнок — ваш ребёнок. Такой ребёнок нам не нужен. Примите меры, иначе мы Васю больше к нам не пустим.

Ведут родители ребят домой, а ребята хрюкают. А ребята в грязь лезут. А родители ребят шлёпают. Все ребята плачут. Все родители сердятся.

Идёт папа, тянет Васю за руку и думает. И ничего папа придумать не может.

И мама ничего придумать не могла.

А Вася сидел на полу и знай себе хрюкал.

Хрюкать — очень интересно.

Папа молчал.

Мама молчала.

Устал Вася хрюкать. Надоело Васе быть поросёнком. Захотелось Васе быть Васей.

Подошёл Вася к папе и попросил прощения.

Подошёл Вася к маме и попросил прощения.

Сразу повеселели папа с мамой.

— Идёмте тогда в гости, — сказал папа. — Раз Вася снова стал Васей, можно и в гости идти.

— Там большая-большая собака, — сказала мама. — Зовут её Атос.

— Он не кусается, — сказал папа. — Он добрый и послушный. Он никогда не капризничает, потому что он большой. А капризничают ведь только маленькие.

— Не вздумай, Вася, хрюкать, — предупредила мама, — Атос не любит поросят.

Вася так испугался, что всю дорогу в трамвае молчал и только изредка тихо говорил:

— Атос... Атос... Атос...

ВАСЯ – ПЁС АТОС

Но боялся Вася зря. Всё оказалось так, как рассказывали папа с мамой. Атос был большой-большой пёс, белый-белый с чёрными и рыжими пятнами.

Уши у него были длинные и рыжие и не торчали вверх, а висели.

Больше всего понравился Васе у Атоса хвост. Замечательный хвост! Он всё время двигался, будто Атос им разговаривал.

Атос сам подошёл к. Васе, приветливо помахал ему своим замечательным хвостом, обнюхал Васю и протянул ему лапу — дескать, давай дружить, если не возражаешь.

— А... А... Ато-о-ос... — заикаясь от страха и счастья, сказал Вася и потрогал лапу.

— Сидеть, — тихо приказал хозяин.

И Атос сел, шевеля хвостом, будто подметая пол.

— Лежать, — совсем тихо приказал хозяин.

И Атос лёг, помахивая хвостом.

— Вот какой послушный, — сказала мама.

— Если бы Вася был таким, — сказал папа. Васе очень захотелось стать Атосом. Но где взять такой замечательный хвост? А без хвоста Атосом быть неинтересно.

Но чем больше смотрел Вася на Атоса, тем больше ему хотелось быть Атосом. Вася несколько раз подходил к нему и четыре раза осмелился погладить его.

Конечно, было страшно: ведь никогда ещё не видел Вася столь огромной собаки!

Вдруг со стола упал кусок сахара, и Атос бросился к нему. Хозяин сказал:

— Фу!

И Атос остановился и отвернулся от куска сахара.

Вася взял кусок сахара, сказал:

— Фу!

И положил кусок сахара обратно на стол. И отвернулся Вася.

Нет, быть Атосом даже и без хвоста — интересно.

Интересней, чем поросёнком.

Интересней, чем ребёнком.

И Вася громко залаял. Атос удивлённо посмотрел на него, перестал махать своим замечательным хвостом.

Тогда хозяин негромко приказал:

— Голос.

И Атос ответил:

— Гав! Гав! Гав! — да так громко, что Вася прикрыл уши ладошками.

И Вася решил стать Атосом. Но не знал ещё Вася, как это трудно. Труднее, чем поросёнком. Труднее, чем ребёнком.

Хозяин сказал:

— Пора спать, Атос. На место!

И Атос ушёл в коридор, и лёг на подстилку, и свернулся клубком, и уснул. Даже с гостями Атос не попрощался.

— Ах, какой послушный пёс! — говорила мама дорогой. — Если бы Вася был таким!

Пришли домой, разделись, умылись, и папа сказал:

— Пора, Вася, спать. На место!

И Вася залез в кровать, и свернулся клубком, и уснул.

Утром Васю разбудили, Вася хотел зареветь, но вспомнил, что он — пёс Атос, и не заревел.

Сели завтракать, Вася полез рукой в банку с вареньем. Мама сказала:

— Фу!

И Вася убрал руку, и взял ложку.

— Молодец, Вася, — сказал папа.

— Я Атос, — сказал Вася.

— Тогда — голос! — весело приказала мама.

— Гав! Гав! Гав! — ответил Вася, да так громко, что папа с мамой прикрыли уши ладонями.

Быть Атосом оказалось очень трудно. Гораздо труднее, чем поросёнком. Гораздо труднее, чем ребёнком.

Но Вася старался.

Стали ребята кубиками друг в друга бросать. Вася схватил кубик, замахнулся, но сказал:

— Фу!

И начал Вася из кубиков строить башню.

Очень трудно было быть Атосом, но зато интересно. Вася даже перестал жалеть, что у него нет хвоста.

Рёва

Сам Боря рёвой себя не считал. Ведь ревел он не просто так, а когда надо. Чтобы все видели и жалели. Например, при гостях. Здесь без слёз не обойдёшься, иначе отправят спать.

Вот тут-то Боря и начинал нить. Мама вздыхала, папа морщился, гости собирались домой.

— Замучили бедного ребёнка, — шептала бабушка.

— Избаловали ребёнка, — ворчал дедушка.

— Ладно, ладно, оставайся, — мрачно произносил папа, — только замолчи, пожалуйста.

Так что Боря слёз на пустяки не тратил и рёвой себя не считал.

Приехал в гости его двоюродный брат — суворовец Аркаша. Погоны, лампасы, ремень с пряжкой, блестящие пуговицы! Боря чуть не заревел от зависти.

Аркаше поручили смотреть за братом и заботиться, чтобы тот поменьше ревел.

— Есть! — коротко ответил суворовец. — Я его быстренько отучу от этой очень глупой привычки!

«Как бы не так, — насмешливо подумал Боря. — Со мной даже генералу не справиться, не то что тебе!»

Пошли они гулять.

Боря решил, что будет просить мороженое. Аркаша, конечно, скажет, что простудишься, ангиной заболеешь, а он как заревёт на всю улицу...

Съел Боря первую мороженку, попросил вторую и приготовился реветь — набрал в грудь побольше воздуха.

— На здоровье, — сказал Аркаша, — маленькие любят есть мороженое без меры.

Когда Боря облизывал пальцы после второй порции, то почувствовал, что язык замёрз.

— Ещё, ещё, ещё хочу, — захныкал он.

— Нисколечко не жалко, — ответил Аркаша. — Ешь, пока деньги есть.

Еле-еле съел Боря третью мороженку. Руки гусиной кожей покрылись, зубы готовы были мелко-мелко застучать, но он попросил ещё порцию.

— Тебе болеть, не мне, — сказал Аркаша, — ешь.

— Я домой хочу-у-у, — заныл Боря.

— Домой так домой, — согласился Аркаша.

Опять реветь не пришлось. Боря растерялся — хоть плачь!
И он начал тихонечко:

— А-а-а...

Мама в таких случаях целовала его, брала на руки, охала, уговаривала. Тогда у неё можно было выпросить что угодно.

А суворовец посмотрел удивлённо и проговорил:

— Э, да ты, брат мой двоюродный, совсем реветь не умеешь!

— Ы-ы-ы! — стал громче тянуть Боря и вдруг закатил: —
У-у-у-у-у!

Аркаша внимательно прислушался и махнул рукой, сказав:

— Плохо, плохо, просто слабо! Неправильно ты ревьешь. Одну букву тянешь. Вот у меня знакомый был, настоящий, понимаешь ли, рёва. Так он по две буквы ревел. Иа! Иа! Здорово это у него получалось и слышно было далеко. У тебя так не получится.

— Иа! Иа! Иа! — закричал Боря.

Прохожие останавливались, слушали и смеялись. Боря очень-очень обиделся: человек плачет, а им смешно!

Пошли домой. Все смотрели на Аркашу, даже оглядывались. Ещё бы не смотреть: он в суворовской форме, а Боря в одних коротеньких трусиках и безрукавой майке.

Дома никого не было. Боря сел на пол и дёрнул себя за ухо. Стало так больно, что он закричал. А когда больно, то реветь значительно легче. Только рот пошире раскрывай.

Сидит Боря на полу и ревёт изо всех сил, смотрит, ждёт, что Аркаша дальше будет делать.

— Плохо, плохо ревьешь! — сокрушённо говорит Аркаша. — Просто слабо ревьешь! Как маленький.

Боря уже хрипеть начал. Устал. Решил отдохнуть.

— Никуда, брат ты мой двоюродный, не годится, — со вздохом сказал Аркаша. — Всего полчаса ревел. Далек же тебе до рекорда.

— До какого рекорда? — шёпотом спросил Боря, потому что говорить громко ему было больно.

— А вот есть настоящие рёвы, — объяснил Боре суворовец, — они часа по два реветь могут. Потом поедят, попьют и снова два часа ревут ещё громче прежнего. А ты? Через полчаса замолчал.

Тут Боря упал на спину и затянул:

— И-и-и-и...

Аркаша посоветовал:

— Ногами стучи.

Боря бил пятками по полу, морщился от боли, но колотил и колотил, ревел и ревел.

— Ох, плоховато, — озабоченно проговорил Аркаша. — Этак ты только лет через пять-шесть, а то и через все семь научишься реветь по-настоящему.

У Бори в горле щипало, будто он поел маленьких гвоздиков, а пятки горели и ныли. Он спросил:

— Через пять-шесть-семь лет?

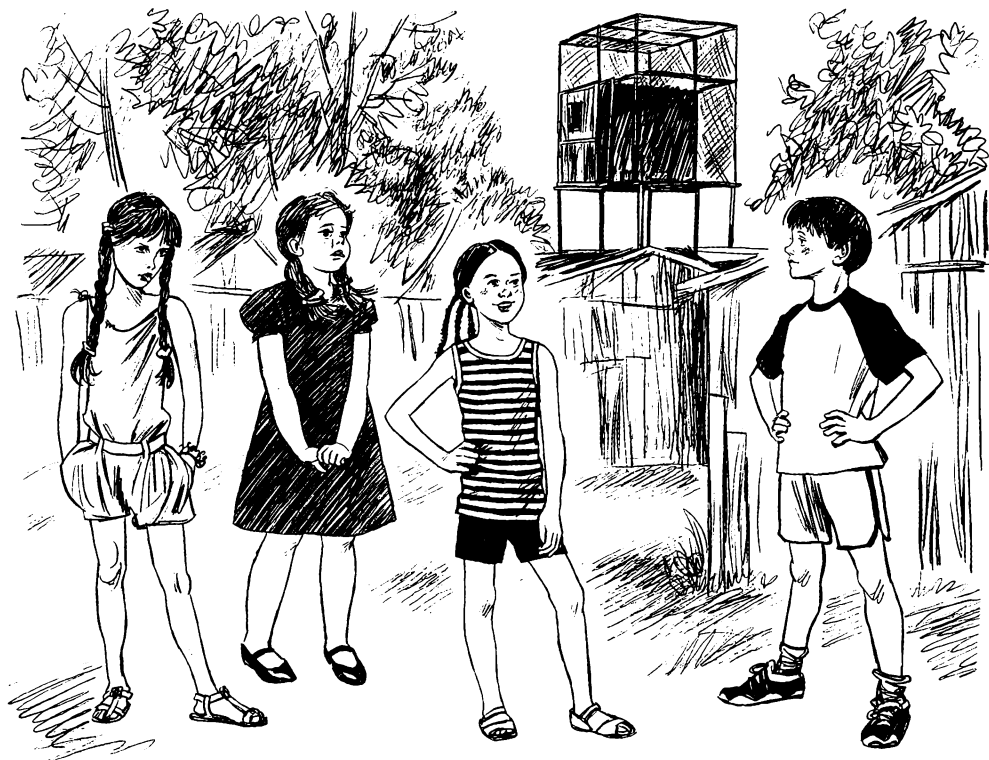
— Не раньше. Я тебе вот что посоветую. Каждое утро делай рёв-зарядку. Вставай и на голодный желудок реви минут двадцать для начала. Потом позавтракаешь — и снова...

— Каждое утро? — со страхом спросил Боря.

— Даже без выходных, — ответил Аркаша. — Будешь реветь каждый день и добьёшься своего. Может, в цирке тебя показывать будут. Выведут тебя перед публикой...

— Нет уж... — прохрипел Боря. — Нашли дурака — каждый день реветь, да ещё в цирке перед публикой... Я лучше дрессировщиком буду. Или лётчиком. Или ещё лучше — шофёром такси.

Аркаша ничего не ответил, но видно было, что он согласен со своим двоюродным братом.

Девочка с тремя косичками

Мишка, маленький худенький мальчик, рассуждал вот так: «Ну какая от девчонок польза? В футбол они играть не умеют? Не умеют, конечно. Драться они не могут? Известно, не могут. А самое противное у них бывает иногда, так это косички. Косички малюсенькие, а девчонки плетут их, плетут, делать им больше нечего».

Девочкам Мишка проходу не давал — то подножку подставит, то за косичку дёрнет, то обзовёт, то ещё что-нибудь.

И вот вместе с родителями Мишка переехал в новый город. Приснился Мишке страшный сон: будто в этом городе живут одни девчонки.

Утром папа с мамой ушли по своим делам, а Мишка сидел один в пустой квартире в кухне на подоконнике. Было грустно, так грустно, словно любимая футбольная команда проиграла со счётом шестьдесят — ноль.

Во дворе ни души. Только рыжая дворняжка от скуки сама себя ловила за хвост. Посмеялся мальчик над глупой собакой и показал ей язык.

Из подъезда вышла девочка в красном сарафане. Ступала она так осторожно, будто шагала по битому стеклу. Девочка была толстая, и косички у неё были толстые, короткие, как сардельки.

Мишка крикнул:

— Эй ты, булка с изюмом!

Девочка лениво подняла голову, внимательно посмотрела на него и — ничего не ответила. А вы знаете, как это обидно? Мишка однажды дразнил девочку часа два, охрип, а она — ни слова. Он от обиды сам чуть не заревел.

Вскоре из подъезда вышла вторая девочка — длинноногая, загорелая. Косички у неё были тоненькие, длинные.

Мишка крикнул:

— Цапля номер один!

Девочка посмотрела на него и — ничего не сказала.

Настроение у Мишки совсем испортилось.

Из подъезда вышла третья девочка — в голубой майке и чёрных трусиках. Шла она, как на параде, твёрдо ставя ноги и размахивая руками.

Мишка крикнул изо всех сил:

— Мартышка бесхвостая!

Девочка посмотрела на него и — ничего не сказала, словно вместо Мишки было пустое место.

Он выбежал во двор, остановился перед девочками и процедил сквозь зубы:

— Я вот вам наподдаю, так...

Девочки дружно высунули языки.

— Косички несчастные! Тарарарарара, а у каждой два хвоста!

Девочка в чёрных трусиках сказала:

— Ненормальный.

Мишка долго разглядывал её и, чем больше разглядывал, тем больше злился. Девочка ростом была поменьше его, но смотрела смело. Волосы её были заплетены в три косички. Целых три косички! Мало ей двух, так ещё на затылке одну вырастила!

— Три хвоста! — крикнул Мишка.

— А у тебя и этого нет, — спокойно сказала девочка.

— Реветь будешь!

Длинноногая девочка протараторила:

— Как бы ты не заревел, давай лучше дружить.

— Др... др... дружить?! — еле-еле выговорил Мишка. — С вами дружить?! С девчонками?! С косичками?! Ха!

— Он абсолютно ненормальный, — лениво произнесла толстая девочка. — Надо его отправить в поликлинику. Попросить, чтобы приняли без очереди, как абсолютно ненормального.

Мишка ушёл злой. Он решил проучить девчонок, особенно эту — Симу, с тремя косичками.

На пустыре за домом стояли дровяники. На одном из них, упираясь шестью в крышу, высилась голубятня. Кто, когда её построил — неизвестно. Голуби в ней давно не жили, только иногда туда забирались кошки и распугивали воробьёв.

Никто из ребят не осмеливался забираться на голубятню. Поговаривали, что закреплена она слабо и вот-вот упадёт. Действительно, при ветре сверху раздавался скрип.

Узнав об этом, Мишка сказал:

— Ерундистика. Я слазаю.

— Хвастунишка, — сказала Сима.

— Я хвастунишка? Я? Вот полюбуйся! — И Мишка взобрался на крышу, схватился за шест, полез вверх.

«Скри-и-ип... скри-и-и-ип... скри-и-и-и-и-ип...» — раздалось над его головой.

— Немедленно слезай обратно! — испуганно крикнула Сима.

У Мишки же от страха ноги будто судорогой свело, но он пересилил себя и лез, лез...

— Разобьёшься! — кричала внизу Сима. — Упадёшь!

Мишка лез, закрыв глаза. Ему казалось, что ещё несколько движений — и он в голубятне. Но, открыв глаза, он увидел, что до неё — ой как далеко! И до крыши дровяника далеко.

«Сейчас упаду!» — пронеслось в голове. Мишка вцепился в шест и всё-таки заскользил вниз. Ладони ожгло.

Когда он стукнулся пятками о крышу, ноги подкосились, и Мишка сел.

Сима спросила:

— Ну как?

— Никак, — пробурчал Мишка и подул на ладони, — это тебе не косички отрачивать. Времени жалко, а то бы я...

— Только не хвастайся, пожалуйста.

— А я и не хвастаюсь, — важно проговорил Мишка, — чего мне хвастаться? Я-то... а вот ты? — И он дёрнул Симу сразу за две косички.

Она с презрением взглянула на него, схватилась за шест и быстро полезла вверх.

От неожиданности Мишка растерялся. А Сима добралась до голубятни и влезла в неё.

Скри-и-ип... скри-и-ип... скри-и-и-и-и-ип...

— Она падает! — закричала Сима. — Миша... Мишечка... ой!

— Не бойся! — ответил Мишка, вскочив. — Не трусь!

Он полез. Ладоням было больно. Уставшие ноги соскальзывали. Мишка старался ни о чём не думать. Он лез и лез. Шест казался бесконечным. Мишка еле-еле влез в голубятню и растянулся на полу.

— Ты зачем лез? — тихо спросила Сима.

— Не знаю... тебя спасти...

— А как ты меня спасти будешь?

— Не знаю...

— Только не шевелись, она шатается.

В ответ на каждое движение раздавался скрип. А когда Мишка сел, то явственно почувствовал, что шесты качаются из стороны в сторону.

— Ой, упадём... — прошептала Сима. — Честное слово, упадём... Давай кричать, а?

— Нет, нет, — сказал Мишка, сам дрожа от страха. А Сима всхлипнула.

«Если закричим, — подумал Мишка, — соберётся народ и скажет: „Эх ты, не мог женщину спасти!“»

Мысль эта придала Мишке немного храбрости.

— Не бойся! — громко сказал он. — Я спущусь и спасу тебя.

— Не уходи! Мне страшно!

Голубятня скрипнула и пошатнулась. Мишке казалось, что сердце его то поднимается, то опускается.

— Жди меня, — сказал он твёрдо. — Я принесу лестницу.

Сима всхлипнула, но промолчала.

Мишка начал спускаться. Скрип резал уши, временами создавалось впечатление, что шест клонится к земле, и голова чуть кружилась.

Спрыгнув с крыши на землю, Мишка едва удержался на ногах.

— Эй! — крикнул он. — Я сейчас! Я мигом! Не бойся!

А Сима смотрела из голубятни и даже боялась кивнуть.

Во дворе её подружки — толстая и длинноногая — учили дворняжку стоять на задних лапах.

— Эй, вы, коси... — Мишка помолчал. — Помогите мне лестницу до голубятни дотащить. Человека одного спасти надо.

Моя прелестная подружечка

Вы знаете, никто в нашей группе не хочет со мной играть. Никто. Ни один человек. Ни девочки, ни мальчики. Я уже даже не обижаюсь, когда меня обижают. Петька Кривощёков отобрал у меня сухарик. Я сказала:

— Кривощёков, зачем ты отобрал у меня сухарик? Я бы его тебе и так отдала, если бы ты попросил.

Но он показал мне длинный-предлинный язык и убежал.

Я спросила воспитательницу тётю Галю, почему никто не хочет со мной играть.

— Потому что ты много выдумываешь, — сердито ответила она. — И часто ревёшь.

— Зато я весёлая и всех стараюсь рассмешить, — сказала я и расплакалась.

— Ну вот опять! — совсем рассердилась тётя Галя. — Только и знаешь реветь! — И ушла, хотя мне очень хотелось поговорить хотя бы с ней.

Почему-то все говорят, что плакать нельзя, что это стыдно. А как же мне не плакать, если со мной никто не играет?

Плакала я так долго, что лицо у меня заболело, и я вдруг захотела на горшок. Пришла, а все горшки унесли мыть. Нянечка тётя Вера сказала:

— Вечно ты не вовремя хочешь!

А я так хотела, что снова расплакалась.

— Ну и рёва же ты! — рассердилась тётя Вера, ушла, принесла горшок. — Да перестань ты, надоело!

Она ушла. Колготки у меня были мокрые, и я не знала, что мне делать. В шкафчике (на нём яблоко нарисовано) были ещё одни колготки, но, если я буду переодеваться, тётя Галя опять рассердится, а Петька Кривощёков будет дразниться очень нехорошими словами.

Лицо у меня всё болело от слёз, голова тоже болела. И ещё мне стало страшно.

Я знаю, что я очень маленькая. Младше всех в группе. И ростом я меньше всех.

Говорят, что это оттого, что я мало ем. Мне есть неинтересно. Вот пить я люблю. Чай, компот, кисель, газировку, фруктовку — всё, всё! Неужели никто со мной не играет, потому что я самая маленькая в группе? Но ведь зато я самая весёлая. Я бы всех рассмешила, если бы со мной играли.

Противно в мокрых колготках и страшно. Скорей бы за мной пришли. Нет, ещё очень долго ждать. Ещё обед, потом спать, потом полдник, потом гулять... Выйдем мы во двор, все разбегутся от меня в разные стороны. Все начнут играть. И я буду играть. Только одна. Сама с собой. Каждый раз я думаю: а вдруг сегодня кто-нибудь согласится играть со мной? Хотя бы Петька Кривощёков...

Нет, всё равно никто со мной играть не будет.

Я знаю.

Ах, если бы у меня была подружка! Как бы я любила её! Я бы ей всё, всё, всё отдавала! Мы бы играли с ней в магазин, в больницу, в школу...

Я опять чуть не расплакалась. Но плакать было нельзя. Ведь опять все рассердятся.

Когда кто-нибудь плачет, я вот того обязательно жалею. Даже Петьку Кривощёкова. И воспитательницу тётю Галю я тоже бы пожалела, если бы она расплакалась.

А вот когда плачу я, все почему-то сердятся. Будто я нарочно плачу, будто мне это приятно. Слезы из меня сами рвутся, даже лицу больно, а остановиться не могу.

И всё равно я разревелась, да ещё очень громко. Пришла тётя Галя, что-то говорила, дёрнула меня за руку, но я ничего не слышала, зато уже и не боялась больше. Это ждать, что тебя будут ругать, страшно. А когда ругают, как-то ничего.

Тётя Галя стянула с меня мокрые колготки. По-моему, вся группа пришла смотреть на это. А у меня ревелось всё громче и громче, хотя я совсем не боялась.

Потом меня дразнили до самого обеда. Петька Кривощёков выдернул у меня ленточку из косички. Ну что я могла сделать? Плакать нельзя. Жаловаться тоже нельзя.

Я сказала им:

— Давайте не дразниться, а хохотать.

Хохотала я одна, но не от смеха, а просто так.

Всё равно мне делать больше было нечего.

Есть я никак не могла. Рот не раскрывался.

— Она опять не ест! — закричал Петька Кривощёков. —
Воображает!

Тётя Галя ничего не сказала, но я-то знаю, что она ещё больше сердится, когда молчит. Зато всё она расскажет тому, кто за мной придёт.

Я очень часто не знаю, кто за мной придёт: мама или папа, бабушка или кто-нибудь из бабушек. Не знаю, к кому меня отвезут...

— Она и второе не ест! — закричал Петька Кривощёков. —
Воображает!

Тётя Галя опять ничего не сказала, а меня прямо чуть не заташнило. Это очень ужасно, когда ну совсем есть не хочется, а надо...

Всё равно рот у меня так и не раскрылся. Вот компот я выпила быстро и попросила добавки.

— Хи-и-итрая! — закричал Петька Кривощёков.

Нисколечко я не хитрая. Это он хитрый. На меня жаловался, а котлету мою проглотил прямо как крокодил.

Спать я тоже не могла. Я лежала с закрытыми глазами и думала, почему всё-таки никто со мной не играет? Вот Петька Кривощёков всех-всех обижает, а с ним все играют. Я никого никогда не обижаю, а со мной никто не играет...

Полдник я съела весь и два стакана киселя выпила. Стали собираться на прогулку. Мне уже было хорошо. Ну поругают, что я медленнее всех одеваюсь... Зато скоро за мной кто-нибудь придёт.

— А где у тебя ленточка? — строго спросила тётя Галя. —
Потеряла, конечно?

Жаловаться нельзя. Плакать нельзя. Пусть считают, что я ленточку потеряла, что я разиня, что я всё теряю... Одеваюсь я, конечно, медленнее всех... Неужели из-за этого со мной никто не играет? Да я просто ещё не умею быстро одеваться. Раз я маленькая. И ещё я думаю, когда одеваюсь. Думаю, думаю, например, о том, кто сегодня за мной зайдёт, думаю, думаю, смотрю: все уже оделись...

Сначала во дворе мне грустно. Каждый раз мне кажется, что сегодня кто-нибудь согласится со мной играть... Но когда все от меня разбегутся в разные стороны, я постою немного и пойду играть одна, а потом и привыкну...

Всё равно ведь я когда-нибудь подрасту и будет у меня не просто подружка, а прелестная подружечка! Она будет ходить ко мне в гости. Я буду ходить к ней в гости.

И тут я вдруг увидела мою прелестную подружечку!

Она лежала у забора, и с ней тоже никто не играл! Я так сразу пожалела её, что чуть не заплакала.

— Здравствуй, Света! — сказала я. — Давай с тобой играть?

По-моему, Света сразу согласилась. Я взяла её, прижала к себе, ну просто не знала, что мне с ней от радости делать! Я даже не догадалась её поцеловать.

Главное, куда её спрятать, чтобы её не увидели, особенно Петька Кривощёков или тётя Галя. Я знаю, что все они скажут, что Света некрасивая и грязная. Ну и что? Дома я её вымою с мылом, высушу, и она будет красивее всех девочек в нашей группе!

Света, по-моему, тоже боялась, что и её ругать будут за что-нибудь. Я сказала:

— Ты ни о чём не беспокойся, Светочка, пожалуйста. Если хочешь, можешь даже заплакать. Я знаю, что зря не плачут, и никогда не сержусь на того, кто плачет.

И Света, по-моему, сразу успокоилась. Я расстегнула пальто, засунула под него мою прелестную подружечку, застегнулась.

Вся группа думала, что я одна, раз никто со мной не играет, а ведь мы были вдвоём!

Правда, Света оказалась мокрой, потому что была тряпичной и долго лежала на земле, но ничего! Скоро за мной придут...

А где она будет жить? Ведь я-то живу на разных квартирах. Оставляю её у папы с мамой, Света меня будет ждать, а меня из садика заберёт кто-нибудь из бабушек... Света ведь будет очень скучать и беспокоиться!.. Придумаем, придумаем что-нибудь...

По-моему, Свете уже было очень хорошо. Ведь это же ужасно — лежать на земле... никто с ней не играл, как со мной... Я знаю, что это ужасно. Ничего, ничего, я нарисую ей глазки, носик, ротик, пришью ей руку, нашью ей много-много платьев!

Спать мы с ней будем в моей кроватке. Перед сном я буду рассказывать Свете сказки...

Я даже громко рассмеялась от радости. Пусть я самая маленькая в группе, но ведь Света ещё меньше меня. А я знаю, что маленьких надо не ругать, а любить. Играть надо с ними обязательно.

Теперь я, может быть, не буду плакать в садике. Может быть, я даже и есть буду.

Чумазый Федотик

Если бы вы только знали, как плохо и трудно быть маленьким! Если тебе даже уже пять-шестой, то какой-нибудь воображала, которому всего-то навсего шесть-седьмой, с тобой и знаться не желает!

Никто и не играл с Федотиком, а те карапузы, которым и пяти не исполнилось, его не интересовали. Ничего эти малявки толком не понимают, разговаривать с ними не о чем.

Вообще-то Федотик жил хорошо, а вёл себя и того лучше. Ел он замечательно, спал великолепно. Не дрался он, не дразнился, не обзывался. Не с кем было драться, некого было дразнить и обзывать.

Лишь одно обстоятельство очень угнетало Федотика: временами он ужасно скучал, а ещё чаще ужасно страдал от того, что на него мало обращали внимания. Страшно подумать, что его и ругали-то редко, почти совсем не наказывали. Не за что было.

В таких случаях приходилось ревмя реветь, чтобы обратить на себя внимание. Тут его начинали бранить, смеялись над ним, дразнили и немного обзывали. Федотик в ответ ревел изо всех сил. Тут его начинали утешать, и, усталый, довольный, он крепко засыпал, спрятавшись на сеновале.

Выспавшись и восстановив силы, потраченные на рёв, Федотик обнаруживал, что жизнь интересна и жить можно, даже если тебе пять-шестой. Можно на худой конец и с малявками поиграть, а самое главное — набраться терпения и подождать, когда тебе будет шесть-седьмой.

На краю деревни, у тракта, была автобусная остановка, и четыре раза в день сюда прибывал автобус. В него садились люди, приезжавшие к родственникам и знакомым погостить, а выходили из него те, кто приехал погостить.

Но никто, ни один человек ни разу не обратил внимания на Федотика, когда он приходил на автобусную остановку. Все прощались и здоровались, обнимались, целовались, махали руками.

Федотик стоял в сторонке, завидуя и тем, кто приезжает, и тем, кто уезжает. Особенно он завидовал тем, кому махали руками и кричали: «До свиданья! До свиданья!» И не передать, как он завидовал тем, кому кричали: «Приезжайте ещё! Приезжайте ещё!»

Грустным, обиженным на судьбу возвращался Федотик домой, до того обиженным и грустным, что уже и реветь не мог, а просто очень сильно страдал и с горя ел горох в огороде. Горох он ел для того, чтобы живот у него заболел. Вот тогда на Федотика были вынуждены обращать внимание, ухаживали за ним. Сестра — семь-восьмой — сказки рассказывала, брат — восемь-девятый — книжки читал, а бабушка не отходила от внука.

Но иногда, увы, получалось так, что живот у Федотика становился, как барабан, но болеть отказывался.

Бедный Федотик, ну не болел у него животик!

Однажды он разыскал в огороде за баней в густой высокой траве горку битых закопченных кирпичей и задумал построить из них дом.

Дом Федотик построил хороший, но и вымазался здорово. Руки он кое-как обтёр о траву, а лицо так и осталось чумазым, чего он, конечно, не мог заметить.

К этому времени подоспела пора идти на автобусную остановку и там грустно смотреть на чужую радость, страдать, глядя, как встречаются и прощаются счастливые люди.

По привычке Федотик встал в сторонке, приготовился завидовать всем, но вдруг услышал весёлый звонкий голос:

— Смотрите, смотрите, какой чумазый мальчик!

А другой голос прозвучал ещё веселее и ещё звонче:

— Вон, вон он! Чумазый, чумазый какой!

И поражённый Федотик обнаружил, что все смотрят на него и ему, ему, именно ему, кричат:

— Чумазик, чумазик, как тебя зовут?

— Где ты так вымазался, чумазик?

— До свиданья, чумазик!

— Чумазик, поехали с нами!

Прямо-таки оглушённый радостью, Федотик стоял не шевелясь, даже не помахав в ответ. Он стоял не шевелясь до тех

пор, пока из проезжавшей мимо машины не услышал восторженный голос:

— Смотрите, смотрите, какой чумазый мальчик!

— Меня Федотиком зовут! — наконец-то крикнул он вслед автомашине и махал руками так долго, что руки заболели.

Он уже собрался уходить, потому что очень устал от радости, как мимо прокатил грузовик, в кузове которого было много людей. И опять Федотик услышал:

— Смотрите, смотрите, какой чумазый мальчик!

— Привет, чумазик!

— Чумазик, приветик!

Люди в кузове показывали на него руками, хохотали, махали ему, что-то кричали.

— Федотик я! — крикнул и он вдогонку, немного помахал усталыми руками и чуть-чуть попрыгал.

Сил радоваться больше не было ни капельки, и он отправился домой, совершенно утомлённый неведомыми доселе переживаниями.

Кроме всего прочего, он испытывал ещё чувство необыкновенной гордости, но не представлял, как рассказать о случившемся бабушке, сестре — семь-восьмой и брату — восемь-девятый. Вдруг они не поверят, и это будет ужасно несправедливо.

Но то, что произошло дома, явилось для Федотика полнейшей и обиднейшей неожиданностью: его здорово бранили, а бабушка ещё больно вымыла ему лицо и шею мочалкой да приговаривала:

— Грязнуля! Грязнуля! Грязнуля!

Вволю отревевшись на сеновале, Федотик очень крепко призадумался над тем, что же произошло. Многие и многие люди заметили его, обрадовались ему, развеселились даже, что он чумазый, много и много людей махало ему руками,

кричало ему «До свиданья!», а дома ему попало... Сестра — семь-восьмой — обозвала его поросёнком, брат — восемь-девятый — припугнул, что чумазы не растут, а бабушка больно вымыла его мочалкой...

Кто тут прав?

Как тут быть?

Чистенький-пречистенький Федотик пришёл на автобусную остановку и в нетерпении ожидал, что же будет.

А ничего и не было.

То есть всё было как раньше, как всегда — никто не обращал на Федотика внимания. Он сначала растерялся, потом горько обиделся. Из глаз его готовы были брызнуть слёзы, когда он видел, что люди здоровались, прощались, обнимались, целовались, махали руками.

Федотик стоял в сторонке, завидуя и тем, кто приезжает, и тем, кто уезжает.

Укатил автобус, ушли приехавшие и встречавшие, и у дороги остался одинокий Федотик. Был чистенький-пречистенький, никто не собирался ни дразнить, ни обзывать, драться ни с кем не собирался, а никому он был не нужен, никто и не взглянул в его сторону.

Пришёл Федотик домой, думая, что и там ничего хорошего его не ждёт.

А дома его встретили восторженно.

— Какой же ты у нас чистенький! — обрадованно сказала сестра — семь-восьмой.

— Будешь всегда такой, — сказала бабушка ласково, — всегда буду кормить тебя пирожками и блинами.

И хотя брат — восемь-девятый — промолчал, на душе у Федотика потеплело.

Но ненадолго потеплело на душе у Федотика. Уже через несколько минут он вспомнил, как был чумазым, как это было замечательно, и едва не заплакал.

Целую неделю Федотик прожил будто сам не свой, даже пирожки и блины ел плохо, спал неважно, потому что видел один и тот же сон: много-много людей машет ему руками, зовёт его куда-то, смеётся...

Не вынес однажды Федотик светлых воспоминаний и тяжёлых переживаний, пошёл в огород, нашёл в траве закопчённые кирпичи, с отчаянием вымазал себе лицо и бегом, вприпрыжку примчался на автобусную остановку и от волнения долго не мог перевести дух.

Подкатил автобус, и он, не выдержав нервного напряжения, крикнул:

— Меня Федотиком зовут!

— Здравствуй, Федотик! — отозвалось несколько голосов сразу, а вслед за этим раздалось:

— Посмотрите, посмотрите, какой чудесный мальчик!

— Эй, чумазик, поехали с нами!

— Его зовут Федотик!

— До свиданья, Федотик!

Он видел махавшие ему руки, улыбавшиеся ему лица и кричал:

— До свиданья! До свиданья! Приезжайте ещё!

Из отъезжавшего автобуса несло:

— До свиданья, Федотик!

— Приезжай к нам, чумазик!

Уже давно все разошлись, а он всё стоял, словно оглушённый счастьем. Его, счастья, было в нём так много, что больше и быть не могло, и Федотик отправился домой.

На сей раз, увы, никакой радости, тем более никакой гордости он не испытывал. Ему было всё равно. Федотик не думал даже о том, что дома за чумазость ему попадёт.

Пять-шестой, а понимал, что и сестре — семь-восьмой, и брату — восемь-девятый, и бабушке поведение его не понравится. Бранить его будут и больно мыть.

Но не угадал Федотик. Увидев чумастика, все только тяжело вздохнули, промолчали.

Пробовал он с горя гороха столько съесть, чтобы заболеть, — не получилось: не жевался горох и не глотался. Попытался Федотик с горя реветь — не ревелось. И даже лезть на сеновал, чтобы с горя поспать, — не захотелось.

Вечером брат — восемь-девятый — сказал:

— Вымойся-ка сам. Не такой уж ты маленький, чтобы самому не умыться.

Когда Федотик смыл с себя всю чумазость, бабушка накормила его любимыми пирожками — с малиной.

А сестра — семь-восьмой — перед сном рассказала ему сказку — любимую, про Колобка.

Не ходил больше Федотик на автобусную остановку чумазым. Никто, ни один человек не обращал на него внимания. Все прощались или здоровались, обнимались, целовались, махали руками.

Федотик стоял в сторонке, завидуя и тем, кто приезжает, и тем, кто уезжает.

Грустным, обиженным на судьбу возвращался он домой, до того обиженным и грустным, что ни реветь с горя не мог, ни горох в огороде есть не мог, чтобы живот заболел, просто залезал на сеновал и спал там с горя крепко-крепко.

Выспавшись и восстановив силы, потраченные на тяжёлые переживания, Федотик обнаруживал, что жить можно, даже если тебе всего пять-шестой. Можно на худой конец и с малявками — четыре-пятый или даже три-четвёртый — поиграть.

А самое главное — надо набраться терпения и подождать, когда тебе будет шесть-седьмой.

НАСТЯ ИВАНОВА	• 5
ПОЧЕМУ СМЕЯЛСЯ ДОМ	• 9
ЛУНА И ОЛЯ	• 16
ЛЕТАЮЩИЙ СЛОНЁНОК КОЛЯ	• 18
ТЫ – ЭТО БУДТО Я	• 22
МЫ С ТОБОЙ НЕ ЗРЯ ЗАБЛУДИЛИСЬ	• 30
РИСУЕМ СОЛНЦЕ, ВЕРИМ СОЛНЦУ	• 38
ЛЫЖИ СИНИЕ, ПАЛКИ КРАСНЫЕ	• 45
КОМАРЫ, ГРОМ И ЛОСИ	• 50
УПАВШАЯ С НЕБА ЗВЕЗДА	• 58
КАК ЗВАЛИ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА	• 66
БАБУШКА МОЯ ЕВДОКИЯ МАТВЕЕВНА	• 73
КАПРИЗНЫЙ ВАСЯ И ПОСЛУШНЫЙ ПЁС АТОС	• 79
РЁВА	• 88
ДЕВОЧКА С ТРЕМЯ КОСИЧКАМИ	• 92
МОЯ ПРЕЛЕСТНАЯ ПОДРУЖЕЧКА	• 98
ЧУМАЗЫЙ ФЕДОТИК	• 104

СЕРИЯ «МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ»

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

Давыдычев Лев Иванович

Чумазий Федотик

Рассказы

Директор издательства ИРИНА САФОНОВА

Главный редактор ВАДИМ МЕЩЕРЯКОВ

Выпускающий редактор АНАСТАСИЯ ИВАНОВА

Корректоры МАРИНА МАРТЫНИХИНА, АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВА

Макет НАТАЛИИ ГРЕБЦОВОЙ

Дизайн обложки ТИМОФЕЯ ПОКРИЧУКА

Вёрстка СВЕТЛАНЫ ГУРЕЕВОЙ

Директор Группы компаний

«Издательский Дом Мещерякова» АСЯ МЕЩЕРЯКОВА

Подписано в печать 31.03.2016. Формат 70×90^{1/16}.

Гарнитура SchoolBook. Усл. печ. л. 8,19.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 3 100 экз. Заказ № 274.

Издательский Дом Мещерякова

119270, Москва, Лужнецкая набережная, д. 2/4, стр. 17.

Телефон: (495) 639-93-49.

idm@idmkniga.ru

idmkniga.livejournal.com

idmkniga.ru

Отпечатано в соответствии

с качеством предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Телефон: (343) 221-29-17

E-mail: book@uralprint.ru

ISBN 978-5-91045-867-7

9 785910 458677